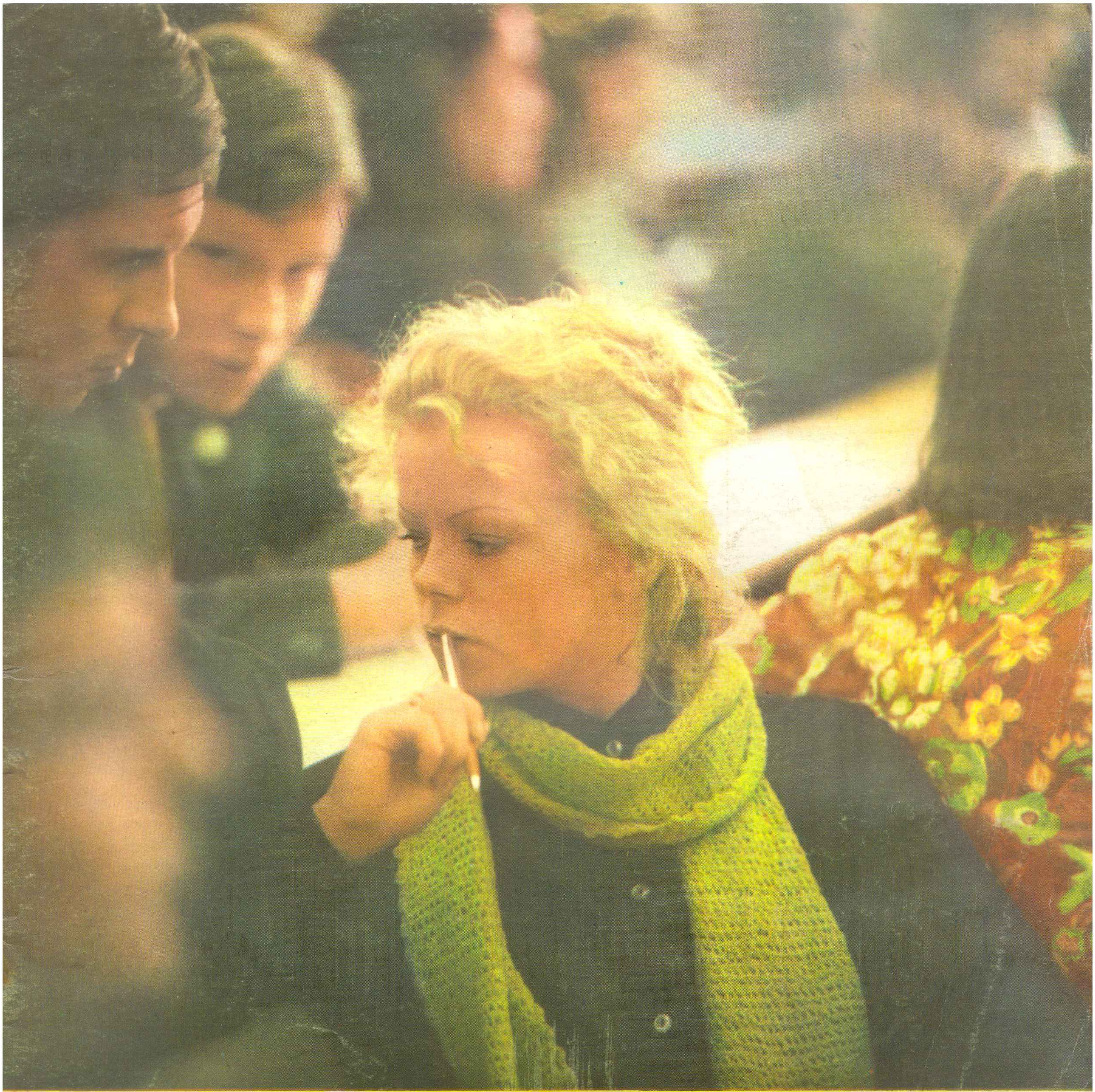

РОВЕСНИК

9
1975

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Сентябрь, 1975 год, № 9

На первой странице обложки: У этой польской студентки все впереди. Не станем гадать, как сложится ее судьба, но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что и ей, и миллионам ее сверстниц социалистический строй предоставил максимум возможностей для активной, содержательной, творческой жизни. А это хороший залог для судьбы счастливой.

Фото Г. Розова.

«ЗА СЧАСТЬЕ ДЕВУШЕК ЗЕМЛИ» — ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ «РОВЕСНИКА» СЕКРЕТАРЯ ЦК ВЛКСМ З. НОВОЖИЛОВОЙ и другие материалы, посвященные Всемирной встрече девушек в Москве.

БУЭНОС-АЙРЕС. Под лозунгом «Создать федерацию, насчитывающую 100 тысяч молодых коммунистов» состоялось расширенное заседание Исполнительного комитета ЦК Федерации коммунистической молодежи Аргентины (ФКМ). В нем приняли участие делегаты всех региональных организаций ФКМ. На заседании подчеркивалось, что ФКМ налаживает связи с многочисленными молодежными группировками страны. По всей стране созданы более тысячи комиссий, в составе которых наряду с молодыми коммунистами — представители молодежных организаций других политических партий Аргентины.

ВАРШАВА. В марше «Дорогами партизанской войны» приняло участие почти 1500 человек, из которых более половины — молодежь. Три трассы марша предусматривали посещение партизанских стоянок Кампиновской пущи — крупного района боевого антифашистского Сопротивления в годы второй мировой войны на территории Польши. В рамках марша проводились соревнования по оборонно-спортивному многоборью. Их программа состояла из стрельбы, метания гранаты и викторины, посвященной боевому содружеству советских и польских воинов.

На снимке: вручение дипломов участникам соревнований.

БОНН. Собственную газету имеют теперь юные пионеры ФРГ. По решению руководства пионерской организации ФРГ «Юные пионеры — социалистическая детская организация» первый номер газеты, которая называется «Вилли-бальд», вышел 1 июня — в Международный день защиты детей. За год, прошедший со времени образования пионерской организации, в ФРГ создано 160 пионерских групп.

ЛИССАБОН. Бывшие батраки крупнейшей португальской латифундии в Алентехо, расположенной вблизи шоссейной дороги Лиссабон—Мадрид, получили в пользование 900 гектаров земли. Прежний хозяин латифундии после революции 25 апреля 1974 года покинул пределы страны. Акт о передаче земельных владений оформлен на основании закона об экспроприации обводненных угодий площадью в 50 гектаров и необводненных — в 500 гектаров. Ставший во главе местной сельскохозяйственной коммуны совет самоуправления энергично проводит в жизнь программу повышения уровня земледелия и культивации ценных пород деревьев.

На снимке: одна из сельскохозяйственных работниц коммуны.

БЕРЛИН. В Германской Демократической Республике в городе Галле проходил III фестиваль дружбы молодежи ГДР и СССР. Лучшие представители молодого поколения двух стран, двух братских союзов молодежи — ВЛКСМ и ССНМ — собрались в Галле.

На открытии фестиваля выступили первый секретарь Центрального Совета ССНМ Э. Кренц и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

III фестиваль особенный — он проходил в дни, когда все прогрессивное человечество отмечало 30-летие разгрома гитлеровского фашизма, решающий вклад в победу над которым внес Советский Союз и его доблестная армия.

Фестиваль стал еще одной яркой страницей в летописи дружбы молодежи двух стран.

ХЕЛЬСИНКИ. Традиционная Неделя дружбы советской и финской молодежи является знаменательным событием в истории дружбы и сотрудничества молодежи наших стран, заявил газете «Тиедонаантая» заместитель председателя Демократического союза молодежи Финляндии (ДСМФ) Ханну Вуорио. В этом году Неделя дружбы проходила под знаком 30-летия Победы над фашизмом.

С каждым годом все больше юношей и девушек Финляндии принимают активное участие в укреплении и расширении дружеских отношений с молодежью Советского Союза. Решительно выступает за дальнейшее развитие всестороннего финляндско-советского сотрудничества рабочая молодежь. Активизируется работа в пользу расширения сотрудничества между двумя странами также среди студенческой и школьной молодежи. Проводится широкая кампания, направленная на популяризацию научных и культурных достижений Советского Союза.

ГАВАНА. Крупным событием в развитии женского движения в стране явился II съезд Федерации кубинских женщин (ФКЖ). В принятой на съезде резолюции «Молодая женщина, ее роль в революции» отмечается необходимость воспитания молодых женщин на принципах марксистско-ленинской идеологии и создания условий, которые способствовали бы их активному участию во всех областях социалистического строительства. Важное значение для развития экономики страны, подчеркивается в документе, имеет повышение профессионально-технического уровня работниц, их участие в научно-технической революции.

ЭЙЗЕНАХ. Закончили стажировку в местной больнице и выехали на родину 25 медицинских сестер из ДРВ. Сотни их соотечественников продолжают образование в вузах и средних специальных учебных заведениях Германской Демократической Республики.

На снимке: преподавательница из медицинской школы Эйзенаха Марлене Пензель проводит практические занятия с Нгуэн Тхи Хай, Ю Тхи Нгуэн и Дионг Тхи Минь.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

МЕХИКО. Здесь состоялось торжественное открытие Недели дружбы мексиканской и советской молодежи.

Около пяти тысяч представителей рабочей, крестьянской и студенческой молодежи Мексики заполнили крупнейший зал мексиканской столицы «Идальго», украшенный государственными флагами Мексики и Советского Союза.

Неделя проходила под лозунгом борьбы против империализма и фашизма, за мир, дружбу и социальный прогресс. «Мексиканская и советская молодежь заявляют о своей решимости следовать этому призыву, поскольку борьба против империализма и фашизма еще не окончена», — отметил в своем выступлении представитель молодежных организаций Мексики Алехандро Ламбретон.

Посланцы Ленинского комсомола, среди которых находился почетный гость недели — Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Г. В. Сарафанов, приняли участие в политических и культурных мероприятиях недели, были приняты президентом Мексики Луисом Эчеверрией и в конгрессе, ознакомились с деятельностью мексиканских прогрессивных молодежных организаций.

КУАЛА-ЛУМПУР. Каждый студент, подвергшийся аресту, будет немедленно исключен из университета без права быть вновь принятым в любое высшее учебное заведение. Так говорится в одной из поправок к закону о колледжах, принятых очередной сессией парламента Малайзии. Студенческим организациям и учащимся отныне запрещено выступать против любой другой общественной организации, политической партии или профсоюза.

Ограничения на свободы учащейся молодежи власти вводят в надежде остановить процесс политического пробуждения студентов. Самым ярким его проявлением были демонстрации в декабре прошлого года, когда около шести тысяч молодых людей вышли на улицы Куала-Лумпура и Ненанга.

С осуждением поправки парламента выступили студенческие объединения ряда вузов, преподавательские ассоциации.

КАЛЬКУТТА. В ознаменование Международного года женщины отделения демократических организаций Западной Бенгалии устроили в столице штата массовую демонстрацию протеста против незаконной феодальной традиции взимания родителями жениха дорогостоящего приданого с родителей невесты.

На снимке: «Долой устаревшие обычаи!» — протестуют девушки и женщины Калькутты.

Зоя НОВОЖИЛОВА, секретарь ЦК ВЛКСМ

ЗА СЧАСТЬЕ ДЕВУШЕК ЗЕМЛИ

В октябре, ровно через месяц, в Москве по инициативе XVII съезда Ленинского комсомола состоится Всемирная встреча девушек. Одобренная IX Ассамблеей Всемирной федерации демократической молодежи, эта встреча, первая из подобных, «позволит обсудить широкий круг вопросов, связанных с положением и ролью женской молодежи в современном обществе, ее участием в мощном движении прогрессивных, демократических и миролюбивых сил за мир, национальную независимость и социальный прогресс, наметить совместную платформу действий и расширить сотрудничество всех демократических сил в борьбе за права женской молодежи». Так определили ее задачи и цели участники состоявшегося весной нынешнего года в Москве Международного консультативного совещания — представители 35 национальных и 8 международных организаций.

В чем же специфика проблем женской молодежи, если по ним необходим отдельный большой разговор?

В очень многих местах Земли привычное словосочетание «прекрасная половина человечества» звучит еще горькой иронией. Принадлежишь к «прекрасной половине»? Значит — смотри на мир сквозь черную чадру (если ты мусульманка), значит — получай за одну и ту же работу на треть, а то и вполовину меньше, чем мужчина (даже если ты «равноправная гражданка» западноевропейской или североамериканской страны), значит — «твоя дорога — от печи до порога» (если ты родилась в африканской, азиатской или латиноамериканской деревне). И сколько таких «значит»... Но для юной женщины число социальных и экономических табу еще больше: ее последней берут на работу и первой увольняют в случае кризиса, ей закрывают доступ к высшему образованию и высокооплачиваемым профессиям, с ее чувствами мало или совсем не считаются там, где брак и поныне рассматривается как денежная сделка. Двойная дискриминация — и по полу, и по возрасту.

Обо всем этом, о том, как девушки отстаивают свои права и интересы, и пойдет речь на Всемирной встрече девушек. Встреча эта — одно из значительных событий Международного года женщины, проводимого под благородным девизом: обеспечение равноправия, широкого участия женщин в экономическом, социальном и культурном развитии своих стран, всемерное повышение их роли в укреплении мира, дружбы и сотрудничества между народами.

Вопрос, разумеется, не в том, кто стоит у руля мировой политики — мужчины или женщины, а в том, что народы все увереннее берут дело сохранения мира в свои руки. Вот почему мне хочется выделить один принципиально важный аспект международной конференции, которая состоится в рамках Всемирной встречи девушек: она поможет полнее раскрыть органическую взаимосвязь движения за эмансипацию женской молодежи в капиталистических и развивающихся странах с борьбой за мир, международную безопасность и разоружение, за национальную независимость, демократию и социально-экономические преобразования.

И прекрасно, что эта встреча состоится именно в Москве — столице социалистической страны, которая первой в мире осуществила вековую мечту женщин о полном и подлинном равенстве. Наши гости познакомятся на месте с решением женского вопроса в СССР, с достижениями советского народа, с тем, как живут, трудятся, учатся и отдыхают их советские сверстницы. Заканчивается девятая пятилетка, весь советский народ, Ленинский комсомол готовятся достойно встретить XXV съезд КПСС. И конечно же, существенный вклад в развитие экономики, науки, культуры вносят наши славные женщины и девушки. Выполняя ленинский завет молодежи быть интернационалистами, советские юноши и девушки активно участвуют в претворении в жизнь Программы мира, выдвинутой XXIV съездом партии, они всегда с теми, кто ведет борьбу против империализма, неоколониализма, фашизма, за демократию, социальный прогресс, за лучшее будущее молодого поколения.

смотрите:

Там, где кипит борьба — за право на работу, за справедливую оплату и улучшение условий труда, против угрозы войны, разгула расизма и фашизма, — там всегда молодое поколение женщин.

На снимках: в колоннах демонстрантов — женщины США, Франции, ФРГ, Италии.

И ЧАСТИЦА НАШЕЙ ДУШИ...

Свой тридцатый день рождения Демократическая Республика Вьетнам встретила под мирным небом, простершимся над всем Вьетнамом — от северных границ ДРВ до мыса Камау на юге. Оценивая историческую победу вьетнамских патриотов, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Она есть результат умелого использования ими различных форм борьбы — военной, политической и дипломатической. Вместе с тем эта победа есть триумф действенной, боевой солидарности стран социализма. Она говорит также о большом морально-политическом значении симпатии и поддержки со стороны прогрессивных сил всего мира».

Путь к освобождению, к утверждению социализма в Северном Вьетнаме, к становлению единого, независимого Вьетнама начался в августе далекого уже 45-го, когда Коммунистическая партия Индокитая (ныне Партия трудящихся Вьетнама), используя революционную ситуацию внутри страны и благоприятную обстановку в мире, сложившуюся в результате разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма, подняла массы на всенародное восстание. В течение недели народная власть установилась на всей вьетнамской земле. 2 сентября Хо Ши Мин провозгласил в Ханое Декларацию независимости.

Новорожденному государству рабочих и крестьян не удалось отложить винтовку. На место изгнанных японских милитаристов в страну вторглись чанкайшисты. Когда, получив отпор, и они убрались восвояси, пожаловали бывшие «хозяева» Вьетнама — французские колонизаторы с 200-тысячным войском, в состав которого входил «иностранный легион» из наемников, в основном не добитых в Европе эсэсовцев. Конец этой многолетней интервенции известен: победа патриотов под Дьен-Бьен-Фу, затем Женевское совещание в мае 1954 года, предусматривавшее временный раздел Вьетнама по 17-й параллели и проведение до 20 июля 1956 года всеобщих выборов на Севере и на Юге с целью мирного и демократического объединения страны.

Женева принесла первую передышку, и Север энергично взялся за строительство нового, социалистического общества. Уже спустя десять лет, к началу 1965 года, мо-

лодая промышленность ДРВ производила в 7—8 раз больше, чем до войны. 85 процентов крестьянских хозяйств объединились в кооперативы. Зарубежным гостям с гордостью показывали новые заводы, шахты, электростанции, вузы, многие из которых были построены с помощью Советского Союза и других социалистических стран. Но осенью 1964 года мирное развитие ДРВ было прервано — на республику обрушились бомбы. Это империализм США, сорвавший выполнение Женевских соглашений и безуспешно пытавшийся подавить борьбу Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, начал варварскую воздушную войну против ДРВ.

На защиту социалистических завоеваний поднялся весь — от мала до велика — народ республики. Стойкостью гордого народа, отбивавшего натиск самой мощной военной машины капитализма, восхищался весь мир. Народ ДРВ не чувствовал себя одиноким в этой борьбе. Советский Союз, все социалистическое содружество предоставили ему необходимую поддержку промышленной и оборонной техникой, транспортом, продовольствием, употребили все свое влияние на международной арене, чтобы остановить агрессию. В 1968 году США были вынуждены пойти на прекращение бомбардировок Северного Вьетнама и четырехсторонние переговоры в Париже. Но военные испытания для народа ДРВ на этом не кончились. У всех на памяти жестокие удары американской авиации по северовьетнамским городам и дамбам в 1972 году, блокада портов с моря. И вновь — мужество народа ДРВ и волна протеста, прокатившаяся по всему миру, заставили Пентагон отступить. Народ ДРВ с удвоенной энергией, с присущей ему организованностью опять приступил к восстановлению разрушенного хозяйства, строительству материально-технической базы социализма. Встают из руин заводы, растут новые предприятия, вступают в строй электростанции. Вся республика — строительная площадка. И школа: учатся 6,5 миллиона человек, каждый третий гражданин ДРВ.

В международном движении солидарности с Демократической Республикой Вьетнам весомо и зримо участие Ленинского комсомола. Свою любовь к братскому народу, верность интернациональному долгу

советские юноши и девушки доказывают делом — и моральной, и материальной поддержкой Вьетнаму. Среди этих дел — недели и месячники дружбы, митинги, собрания и манифестации, субботники и воскресники в фонд помощи Вьетнаму. Это и трудовые вахты солидарности, и «зелёная улица» промышленным заказам для ДРВ, и бесперебойная доставка морем грузов в порты республики. Это всесторонний обмен опытом работы между ВЛКСМ и Союзом трудящейся молодежи Хо Ши Мина, это направление в ДРВ «Кораблей образования» и «Кораблей ударных отрядов», скомплектованных нашими комсомольцами и молодежью, это встречи и лагеря дружбы и солидарности советской и вьетнамской молодежи, это всесоюзная кампания «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама», сбор средств на строительство госпиталя имени Нгуен Ван Чоя, Дворца пионеров в Ханое и средней школы имени Нгуен Ван Чоя в Южном Вьетнаме.

Вот почему, поздравляя своих сверстников в ДРВ с юбилеем их социалистического государства, советская молодежь особенно радуется окончательному воцарению мира на всей земле Вьетнама — ведь в этой победе есть частица и ее души.

Стефан ПРОДЕВ, болгарский публицист, — для «Ровесника»

РОСТОК ЖИВОЙ ТРАВЫ

Наши представления о прекрасном во многом зависят от устоявшихся норм, и мы забываем подчас, что в красоте заключено много больше смысла, чем принято думать. Встречи с женщинами Вьетнама в дни, когда над страной еще не рассеялись тучи тридцатилетней войны, лишний раз убедили меня в этом.

...Ее силуэт непохож ни на какой другой в нашем необъятном мире, он представляет собой поразительное своеобразие на фоне коллективного портрета. Ее глаза устремлены вверх, но все равно кажутся большими и широко раскрытыми. Она хрупка, но удивительно стройна и гармонична. Своим тонким, кажется почти прозрачным, телом она напоминает покачивающуюся на ветру веточку бамбука.

Мне часто приходилось слышать, что ее называют нежной и грациозной. Только этих эпитетов мало. Вся она — утонченное изящество. Плоть ожившего фарфора, легкая как воздух.

Первое впечатление — неповторимость. Смотрящему на нее приходит на ум, будто перед ним трепещет бабочка или неожиданно возникшее из горячей зелени тропиков видение. Пораженный и взволнованный, он боится ее ранить даже взглядом, потому что в восхищенном взгляде может показаться коробящая бесцеремонность.

Природа одарила артистичностью любой тип женщины. Ей же природа дала большее. Она артистична во всем. И когда идет, и когда поет, и когда работает, и когда плачет. Каждое движение наполнено изяществом, которое волнует. Вряд ли есть нечто более красивое, чем вьетнамская женщина, которую вы встретите в поле. Это законченный портрет, фрагмент из представления, движение, наполненное музыкой.

В ее артистичности есть что-то врожденное и одновременно что-то от многовековой культуры. Она — сама природа, в которой скрыто множество тайн.

Ее босые ноги не ступают по земле. Они осторожно прикасаются к ней. Под тяжестью ноши ее тело не пригибается. Хрупкое, но гибкое, оно покачивается, как белые травы на берегу океана. Даже после рождения пятерых детей это тело остается прежним. В нем что-то от сочности джунглей, их жизненной силы. В этой живой связи между артистичным и дарованным щедрой природой и заключается вся ее неповторимость. Она — человек, в котором нет ничего искусственного.

Хотя и неоспоримая, ее внешняя красота не исчерпывает всей ее неповторимости. Вьетнамская женщина не просто красавица. Она — воплощение духа, большого, богатого, без которого Вьетнам, каким мы его знаем, немыслим. Несмотря на нежность, этот дух стальной. На плечи вьетнамской женщины легли не только заботы будней, но и забота о родине. Все то, что связано с телесным напряжением, со страданием, с верой, с повелением нации. Все, что Вьетнам делал вчера и делает сегодня, чтобы жить завтра.

Не знаю, найдется ли в мире более измученная женщина, нежели она. И — более жизнедеятельная, бодрая, самоотверженная. Я видел ее в поле, у реки, на сцене, у станков, возле орудия, под бомбами. Видел, как она баюкает и как вытаскивает из-под руин своего ребенка. В пагоде — стоящей на коленях в тени Будды и в строю — с автоматом на груди. Заплаканной и сияющей, окровавленной и танцующей, с поднятым кулаком проклятия и протянутой для ласки ладонью. И я запомнил ее такой на всю жизнь.

Я не замечал, чтобы она скучала, жила для себя, и это делает ей честь. Все в ней принадлежит другим, народу, битве. Это делает ее великой. Она не только вьетнамская мадонна, заботливая мать. Она — сила и слава народа.

Не каждая вьетнамская деревня имеет своего героя. Но в каждой вам покажут по одной героине. Обычно это девочка в черной военной форме, с улыбкой ребенка. Вы думаете, что девочка еще играет в куклы, а она вам докладывает, что сбила самолет, что взяла в плен вражеского летчика, что спасла от взрывов бомб десятки бойцов, что отразила атаку группы диверсантов, что командовала батареей. За улыбкой ребенка кроется эпопея, грохочущий ад войны. И вам становится страшно, когда вы узнаете, что эта девочка — сирота, что все ее близкие убиты, что ее любимый далеко в джунглях или... в земле. А она смотрит на вас своими огромными черными глазами и, потирая от волнения руки, все время повторяет, что она не сделала ничего особенного, что в соседней деревне живет настоящая героиня, с которой стоит увидеться.

Просто не знаю, как Вьетнам перенес бы все испытания и одолел зло, если бы не она. Отправив своих мужчин на фронт, страна ей доверила судьбу тыла. Ей доверила транспорт, детей, больницы, рис, буйволов, поединок с бомбами, заводы. Ее руки и ее тело все время защищали Вьетнам от гибели. В мертвой тишине, наступающей после взрывов, он хотел услышать ее голос. Плачущий или поющий, этот голос возвращал ему жизнь, надежды, поднимал раненых, успокаивал измученных, ободрял испуганных, побеждал страдания. Я не забуду, как после одной из страшных бомбардировок над Тхай Бинь молодая женщина отряхнула с одежды пыль, сорвала синий цветок, оставшийся нетронутым среди руин, и воткнула его в волосы, как будто собиралась на прогулку. Она это проделала так естественно, что даже кошмар смерти на миг отступил передо мной. Жизнь превозмогала испытания — несмотря на смерть, женщину волновало все красивое. Тогда я понял, что этот чудесный эпизод — одно из моих самых сильных вьетнамских впечатлений. И сегодня я осознаю, что женщина с цветком — это символ. Символ жизни, восставшей из пепла.

Рассказывая все это, я опасаюсь создать ошибочное представление о вьетнамской женщине. Чтобы кто-нибудь не подумал, что она нечто исключительное, бесподобное, лишенное нормальных женских черточек и слабостей. К счастью, она похожа на всех женщин мира. Даже более женственная, чем другие. И это еще рельефнее подчеркивает величие ее духа. Потому что подвиг можно считать настоящим подвигом только тогда, когда в его основе заложена такая вот естественность.

В самом жестоком водовороте испытаний вьетнамская женщина для всего находила время. И для зеркальца тоже, хотя ее кокетливость необычайно трогательна. Иногда в ее смехе звучит такая задушевность, что становится теплее на сердце. В ее взгляде столько силы, что ей могли бы позавидовать многие мужественные люди. И в то же время ее стыдливость невероятна. Любое неосторожное слово или взгляд бросают ее в жар, заставляют ее прикрыть от смущения рот рукой, повернуться спиной или убежать прочь. Она приходит в смятение, когда ей подают руку или приглашают сфотографироваться, и тогда она напоминает испуганного воробышка. Даже в своей ярости она так по-детски трогательна и чиста, что не может не пленять. Но настоящая ее прелесть в том, что она всегда и во всем сохраняет свою естественность. В этом смысле она — одна из самых искренних женщин, которых мне приходилось видеть. Ее может глубоко взволновать выражение симпатии. Это делает ее немного наивной и очень сдержанной. Разумеется, все это очень трудно уловить, потому что в конечном счете исконным в этой женщине является строгость. Она умеет владеть собой и внушать доверие, не поддаваться искушению. Суровая судьба народа наложила свой отпечаток на всю ее природу. Великодушная и чистая в подвиге, она остается великодушной и чистой в своих чувствах.

Для нее любовь, как, впрочем, и все, является частью долга. Большого, единственного, страшного. Может быть, я немного строг в оценке, но точен. Тридцать лет войны — это нечто очень жестокое; они создали не только тысячи героинь, но и тысячи мучениц.

Наверное, когда-нибудь я многое забуду из своих странствований по земле Вьетнама. Время течет, и воспоминания блекнут. Но ее я никогда не забуду, вьетнамскую женщину. Эту самую терпеливую и самую храбрую женщину нашего времени. Этого человека с плотью из ожившего фарфора и с сердцем тигрицы. Этот росток живой травы, выстоявший не только под железным ураганом, но и перед ураганом страстей. Это нежное, неистощимое начало героического народа.

Перевела с болгарского Ольга БАСОВА

ДОЧКИ-МАТЕРИ ИЗ ЧАНДИ ЧОУКА

А. ЩЕДРОВА

Я уезжала из Дели в Москву. В день отъезда забежала попрощаться Сарла. Мы были с ней большими приятельницами. Знакомству с Сарлой обязана я тем, что узнала не только ту Индию, которая живет сегодня, которая была в прошлом. Сарла любит говорить и мечтать о будущем, да и всем мировосприятием своим, отношением к жизни она — женщина из завтрашней Индии.

Сарла торопливо выкладывала на стол аккуратные маленькие сверточки.

— Это новая куртка для Ревы. Возможно, девочка и не наденет ее в Москве. Но все-таки... подарок из дома. А в этой банке — порошок кари. Пусть устроит ужин. Позовет друзей и угостит их нашим традиционным блюдом. И вот, календарь передай... Здесь — прекрасные иллюстрации. Из «Рамаяны». Древний эпос. В нем — сама мудрость жизни... А еще... возьми для Ревы письмо...

Уже год, как Сарла пишет длинные, подробные письма в Москву, дочери. Рассказывает ей о том, что нового дома, как поживают соседи. И конечно, дает бесчисленные родительские советы, учит той мудрости, которую узнала не из книг, а, как из неиссякаемого колодца, черпала из самой жизни...

«Ты пишешь, Рева, что уже привыкла к Москве и что тебе нравится этот город. Первое время я страшно волновалась, как будет житься тебе в новом доме, среди новых друзей. Примут ли они тебя, полюбишь ли ты их. Я была в Москве множество раз. И говорила тебе еще в Дели: это радушный, гостеприимный город. Как видишь, я была права.

А дома у нас все по-прежнему. Отец, как всегда, занят на службе. Создана правительственная комиссия по нефти. Он вошел в нее как представитель от профсоюза химиков и нефтяников. Ты знаешь, какая это важная проблема у нас в стране, и, конечно, представляешь, сколько у папы работы.

Твой брат Ранджив стал совсем взрослым. Помнишь, как совсем еще недавно он отстаивал свои убеждения кулаками. Теперь нашему мальчику много труднее. Как оказалось, диспут с противником — бой посерьезнее кулачного. И представь себе, Ранджив ни разу не дал положить себя на лопатки. Так что твой брат, несмотря на неполные шестнадцать, вполне зрелый борец за наши идеалы.

Как же вы быстро выросли, дети...»

...На одной из тесных улочек старого Дели, в районе Чанди Чоук, жил добрый человек. Звали его Джугал Кишор. Человек не бедный. Служил в частной электрической компании, дела которой процветали. Жалованье получал хорошее. Жена Кишора, тихая, работящая, справно вела хозяйство. В их доме вечно толклись нахлебники. Бедняки соседи так и знали: что бы у кого ни случилось, Кишор-джи поможет. Любил Джугал Кишор потолковать с соседями о житье-бытье. Ругал своего босса-англичанина и порядки в стране. «Индия богата, — говорил он. — И всем всего хватило бы вдоволь, если бы не обирали народ колонизаторы». А еще Джугал Кишор говорил, что знает, как восстановить справедливость: надо научить индийцев грамоте. И тогда образованный народ сам решит все вопросы. Порывался детворе грамоту преподавать. В праздник или в вос-

кресенье соберет детей и начнет буквы показывать. А ребята голодные. Руки тянут, бакшиш просят. Купит Джугал Кишор на всю братию пшеничных горячих чапати, да на том свой урок и окончит.

Любили Кишора в Чанди Чоуке, уважали. Но в душе настоящим сабом, то есть господином, не считали. Какой же саб, если с голытьбой на равных?

Мысль свою — выучить весь народ — Джугал Кишор все-таки не оставил. Задумал устроить школу для женщин. Много или мало, но среди мужчин грамотные были. А вот женщин — ни одной.

Вечером после работы Кишор ходил по домам. Долго и терпеливо объяснял, почему женщинам Чанди Чоука стоит пойти в школу. Мало было желающих отдать учиться дочь или жену. Уж очень дело-то непривычное. Только людей насмешишь. Но все-таки школа открылась. Первая в Дели школа для женщин. Ее назвали именем древней индийской столицы — Индрапрастха. Было это в 1904 году.

Первой в то мартовское утро отправилась в школу невестка Джугала Кишора — будущая мать Сарлы. Он вел ее за руку, как маленькую, через все улицы. А паранджу приказал с лица сбросить. Чанди Чоук поразила, как гром, эта выходка Кишора. Люди с осуждением смотрели на молодую женщину и старого чудака, нарушивших вековые обычаи здешних мест, уклад жизни, который издавна царил на старых улицах Чанди Чоука.

Поговаривали, что за такой вот нрав и наказывают боги Кишора: не дают детей так много, как другим семьям. Жена за всю долгую жизнь с Кишором подарила ему всего лишь одного сына...

«Думаю, дорогая Рева, что тому самому случаю, когда твоя бабушка распорядилась своей судьбой, обязаны и ты, и я тем, как сложилась в конечном счете наша с тобой жизнь. Ведь не секрет, что и сейчас многих индийских девушек устраивает роль только хозяйки дома. Кстати, недавно на соседней улице играли богатую свадьбу — вышла замуж Рани. Скоро будет женой хозяина овощной лавки твоя подруга Вимла. Учиться больше не думают. Жаль, были лучшими ученицами класса.

А у тебя другая дорога, моя девочка. Шагай по ней смело...»

«Мама! Теперь я боец студенческого строительного отряда. Романтика уже в самом его названии — «Меридиан». Ты бы меня не узнала: в брюках и гимнастерке. Вид бравый! Вот бы пройтись так перед соседскими окнами:

— Рева, как можно? Ведь ты невеста!

Признаюсь, трудно было сначала. Мы замешивали раствор, клали стены будущего исторического факультета, штукатурили. Я еле справлялась. Хотя и не призналась никому. А теперь получается все очень ловко. А главное, мне нравится, что работаем мы как одна семья. Дружба и помощь — вот наш главный закон. Это совершенно новый, незнакомый мне мир. И я счастлива быть его частью...»

...Праздник Дивали Сарла любила больше всего. Робкие огоньки масляных светильников высвечивают контуры плоских крыш и невысоких заборов. Не видно ни сточных канав, ни грязных мостовых, заваленных банановыми корками, разукрашенных красными кляксами пережеванного бетеля. Мерцание огней на земле и в черном осеннем небе. Знакомая улица кажется Сарле волшебным городом.

Джугал Кишор ведет внучку по праздничной улице, гремящей петардами. Несмотря на поздний час, Чанди Чоук не может угомониться.

Маленькая Сарла безраздельно владела добрым сердцем деда. В каждой лавке он что-нибудь ей покупает. Больше всего Кишор любил дарить внучке книги.

— Мечтаю я, малышка, что ты вырастешь умной и знающей девушкой. Образование, которое я тебе дам, — вот что будет самым ценным в твоем приданом. И давай готовить его уже сейчас. Как только я увижу, что твоя макушка достает до дверной ручки, отдам тебя в школу.

Сарла училась в Индрапрастхе. К тому времени школа стала настолько популярной, что быть ученицей Индрапрастхи являлось большой честью...

«Я рада, Рева, что показала тебе школу, в которой училась. Она дала нам для жизни очень много. Не только знания.

В то время колонизаторы стремились распространить свое влияние на все, в том числе и на образование. Наша Индрапрастха занимала в этом смысле особое положение. Нам, конечно, было запрещено заниматься политикой, но идеи свободы властвовали над нашими умами. Мы делали все, что было в наших силах, для обездоленного народа. Уходили в деревни и несли туда грамоту, знания. Мы стремились помочь темным крестьянам увидеть несколько больше, чем тесный мирок их деревенской однообразной жизни.

Наступало время, когда народ поднимался на борьбу против унизительного рабства. Мы были вместе с народом, в самых первых шеренгах. Теперь очередь за вашим поколением. Задача ваша тоже не из легких. Что дадите людям вы? Какой пойдете дорогой?..»

...Одна из разновидностей индийского домотканого полотна называется «кхади». Но в начале тридцатых годов это слово приобрело дополнительное значение: все для жизни производить дома. О «кхади» говорили по всей стране. Особенно в школах и университетах. Бойкот заокеанским товарам, одежде, манерам, укладу жизни. Дорогу всему исконно национальному — вот что значило «кхади». Родители Сарлы были горячими сторонниками и участниками этого движения. «Кхади!» — с этим лозунгом выходила на улицу и школьница Сарла. Это, пожалуй, и было началом борьбы...

«Побывала сегодня в Мавзолее Ленина. От тебя, мама, я впервые услышала имя этого человека. Горжусь, что и ты, и отец, и вся наша семья причастны к его революционному делу...»

...Они вместе участвовали в студенческом движении: Сарла из Чанди Чоука и рослый, плечистый парень из штата Хариана, из маленькой деревушки Джакхоли. Отец его, сельский учитель, дал всем своим трем сыновьям не только образование, но и научил разбираться в жизни. Покидая родительский дом, юноши уже ясно видели свою цель. Все трое связали судьбу с партией коммунистов.

Средний стал мужем Сарлы. Окончив университет, он преподавал в одном из делийских колледжей. Но вскоре должность пришлось оставить: все время и силы забирала работа в партии. Он был одним из первых руководителей делийской организации КПИ, работал в профсоюзах. Теперь Шарма — секретарь крупнейшей в стране Всеиндийской федерации профсоюзов.

Жизнь и любовь этих двух людей была нелегкой. Из Сарлы не вышло традиционной индийской жены: вечные разъезды по стране, командировки за рубеж по поручению партии, редкие встречи, долгие разлуки. Но муж понимал ее. И это было счастьем. Всю жизнь он остается для Сарлы другом, старшим товарищем.

В один из февральских дней 1938 года Шарма передал Сарле связку брошюр и сказал, что их надо отнести по адресу. Предупредил: за домом следят.

В другой раз принес книги Ленина. Велел спрятать получше — книги считались запрещенными, — прочитать их, а потом отправиться в трамвайное депо и побеседовать с рабочими. Так он помогал Сарле готовиться к вступлению в партию. Это важное в ее жизни событие произошло вскоре, в 1939 году.

Сарла благодарна мужу, что пришла в компартию не новичком, а с большим опытом политической и революционной работы, с багажом знаний, которые получила в нелегальных марксистских кружках, а главное, с беззаветной верой в дело, которое отныне стало главным делом ее жизни...

«Я долго не писала тебе, доченька. Были неотложные дела. В стране идут демонстрации против роста цен. Подорожали рис и мука. Торговцы взвинтили цены на овощи. Национальная федерация женщин ведет сейчас большую и очень важную работу. Так что все это время дел у меня было много. Каждый день митинг, и не один. Езжу из конца в конец. Устаю, но дело есть дело.

А недавно пришлось устроить митинг прямо во дворе нашего дома. Не было денег снять помещение.

Пиши. Говорят, тебя видели в Москве по телевизору: выступала студенческая самодеятельность, и ты неплохо танцевала. Расскажи мне в следующем письме, как это было. Страшно интересно...»

...Весна 1972 года в Дели выдалась жаркой. И дело здесь не только в горячих ветрах, которые несли из пустыни сушь и зной. Еще больше раскалили столицу предвыборные страсти. За голоса избирателей шли настоящие баталии: за год до этого левые и демократические силы одержали победу в выборах в центральное правительство республики. Теперь решался вопрос, кто получит большинство в правительствах штатов.

Избирательные участки открылись и в Чанди Чоуке. Мощные громкоговорители установили в избирательном шатре Мусульманской лиги. Эта правая партия имела большое влияние в районе Чанди Чоука. Партия богатая. И избирателям это настойчиво демонстрировалось. Из зеленого шатра с утра до позднего вечера лилась музыка. А люди, живущие в округе, были рады, что могут бесплатно ее слушать.

Раскинули под ярким тентом свой избирательный участок и коммунисты. Здесь в ассамблею союзной территории Дели баллотировалась от компартии Сарла Шарма.

В далеком прошлом остался тот день, когда бабушку Сарлы, шагавшую без паранджи в школу, Чанди Чоук провожал недобрыми, осуждающими взглядами. Времена изменились. Но и теперь многие еще недоумевали: женщина Чанди Чоука, и вдруг — депутат?

Сарла все эти дни на избирательном участке — много народу, много вопросов: как коммунисты предполагают бороться с нищетой, что они думают о преобразо-

ваниях в деревне, каковы планы относительно изменений в системе образования? И такие: когда, наконец, Чанди Чоук будут снабжать очищенной питьевой водой, будет ли наведен порядок с продажей керосина, можно ли найти управу на изверга мужа? И Сарла отвечает людям, говорит с ними о жизни. Жители Чанди Чоука давно знают Сарлу, всю ее семью. Живы старики, которые помнят деда, отца. Они уже выбирали Сарлу Шарма в муниципальный совет как депутата от коммунистов. Сарла занималась вопросами образования и здравоохранения, работала хорошо, все, что могла, делала для своих избирателей.

На этот раз она тоже получила много голосов. Но их не хватило — хотя и небольшого количества, — чтобы стать депутатом. И все-таки это было достижение. На следующий день газеты писали о большом успехе коммунистов на состоявшихся выборах...

«Мама! Все эти дни я до позднего вечера брожу по улицам. У нас здесь большой праздник — 30-летие Победы. Москва украшена, торжественна. Возле Большого театра — встречи бывших фронтовиков. Это так трогательно: седые люди, на груди которых множество наград, некоторые в выгоревших, сохранившихся еще с войны пилотках, как будто принесли с собой в этот сквер суровый и героический дух далекого военного времени...»

...Сорок второй год. Идут бои за Кавказ. Гитлер строит планы, захватив этот район, двинуться на восток: в Иран, Индию...

Бои шумели далеко, а в Дели, в Чанди Чоуке, в маленьком доме Джугала Кишора собиралась молодежь. Здесь подолгу говорили о событиях в России, о том, что Гитлер, прошагав через всю Европу, вдруг оказался перед исполином, который дает ему могучий отпор.

Джугала Кишора не было уже в живых. Новый хозяин дома, его сын Джагдиш Прасад, любил послушать молодых. От них он узнал, что в столице создана организация «Друзья Советского Союза» и что его дочь Сарла тоже член этой организации.

Однажды она принесла вырезку из какой-то иностранной газеты. И Джагдиш Прасад увидел на ней девушку, ровесницу дочери, изувеченную, лежащую на снегу с веревочной петлей на шее.

Сердце Джагдиша сжалось.

— Кто это, доченька?

— Таня. Русская партизанка.

Сарла даже ужинать не стала в тот вечер. Зажгла лампу на столе и писала всю ночь.

Два снимка из жизни современной Индии — два типичных сюжета, отражающих контрасты развивающейся страны: на одном — молодая женщина, сделавшаяся пленницей домашнего очага по воле старых обычаев и традиций, неписаных законов семейных отношений; на другом — студентки, свободные, равноправные люди, олицетворение Индии завтрашнего дня.

Через неделю позвала отца на Гандиграунд. Джагдиш не любил опаздывать. Он пришел пораньше, но на большой лужайке под стенами Красного форта уже негде было упасть яблоку. Говорили, что студенты будут давать представление.

Джагдиш разостлал коврик и устроился возле самых подмостков. Он сразу узнал занавес, который накануне шили Сарла и ее подруги из полотен цветного ситца. Увидел хлопочущих на сцене знакомых ребят из компании Сарлы.

Пьеса была о той самой русской девушке Тане, которую Джагдиш видел на газетном снимке. Она отважно стреляла во врагов. Побеждала их смелостью и хитростью. Была Таня одета, как индианка, — в сари. А когда обращалась к любимому, говорила те же слова, что припасены на этот случай у каждой девчонки в Чанди Чоуке. И все, кто смотрел пьесу, верили Тане-партизанке, переживали все, что происходило на сцене, так, как будто девушка эта была их соседкой, подругой, дочерью.

Стойко вынесла Таня страдания и пытки. А когда в последнюю минуту перед казнью крикнула в толпу зрителей: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! Наше дело правое!» — многие не сдержали чувств, вскочив с мест, стали громко требовать расправиться с мучителями. Долго после того, как опустился занавес, люди выкрикивали имя партизанки Тани. А потом, по пути домой, говорили о том, что Россия непременно победит.

Джагдиш Прасад долго не мог заснуть той ночью. Он думал о матери незнакомой русской девушки. И молился своим богам, чтобы они дали этой женщине силы пережить безмерное, ни с чем не сравнимое горе...

«Была ли ты у мемориалов героям минувшей войны? Обязательно сходи. Я хочу, чтобы ты непременно это сделала, доченька. Для вас, молодых, их недожитая жизнь — лучший, самый ценный урок.....»

Строчки как мелкий бисер. Чтобы побольше уместилось на листе. Хочется о многом поговорить с дочерью. Взрослеет девочка. И Сарла пишет одно за другим свои длинные, подробные письма: Москва, Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Реве Шарма — студентке медицинского факультета.

Карин ЦИГЕРТ

ТРОЕ О СЕБЕ...

РАЗГОВОР С 16-ЛЕТНИМИ ИНЕС ДИДРИХ, ГЕЗИНЕ ДЕТТМАН И РУТ ХЕРТЦФЕЛЬД.

25 лет назад в ГДР был обнародован закон о молодежи. Девушки и юноши получили равные возможности развивать свои способности, принимать участие — с присущим им революционным пылом и усердием — в построении социалистического общества и намечать увлекательные жизненные планы, зная, что в один прекрасный день они обязательно осуществятся. Сегодняшние девушки, выросшие в социалистическом государстве, — какие требования предъявляют они к жизни? Отличаются ли их требования от тех, что предъявляются юношами? Мы побеседовали с 16-летними и дополнили их размышления результатами исследований лейпцигского Центрального института изучения проблем молодежи.

Какими они видят сами себя: уверенными в себе, немного мечтательными, думающими.

Они держатся с серьезным видом. Но при том совершенно естественно — естественно приветливо.

Они хотят, чтобы взрослые обращали на них внимание. Когда им грустно — ищут тишину.

Они не терпят инертности, особенно мыслительной, потому что обо всем задумываются по-настоящему, в том числе и о самих себе. Это чувствуется даже в автопортретах, которые они нарисовали с помощью своей учительницы Ирены Беккер из берлинской средней школы «Вильдангель». Эти длинноногие девчушки изобразили себя упрямыми и задумчивыми, даже нарочито некрасивыми — хотя ведь они себя рисовали.

Одна выкрасила свои волосы — на рисунке — в зелено-травяной цвет. Это будущий медик, у нее почти все и всегда получается как задумано. Другая поместила на втором плане фигуру Галилея, восклицающего: «И все-таки она вертится!» Эта, если исполнится ее желание, будет криминалистом или юристом. Третья замечтавшаяся на рисунке личность, по-видимому, спустя несколько лет станет животноводом.

Шестнадцатилетние Гезине Деттман, Инес Дидрих и Рут Хертцфельд — берлинские школьницы, трое из тысяч. Они несколько романтичны и влюблены в драмы Шиллера, потому что их трогает все хорошее, что происходит в жизни

людей. Представление о собственном будущем у девушек очень конкретно, ясно и чуточку окрашено романтикой. В этом они едва ли отличаются от других своих ровесников, однако их выделяет подчеркнутая серьезность.

Кукла для мальчика?

«Это надо было видеть! Стоит молодая красивая мама с сыночком в универмаге, в отделе игрушек. Дело под рождество. В магазине, конечно, не протолкнуться, полки забиты, прямо абстрактная картина — ничего не рассмотришь. Мальчик вдруг возьми да зареви: «Хочу куклу!» Мама возмутилась: «Ты же мальчик!» Думаете, малыш что-нибудь понял? А мне в этот момент пришло в голову: вот стукнет ему каких-нибудь восемнадцать, он сам придет в этот магазин за куклой и выберет ее уже без помощи мамы».

(Инес — в разговоре с Гезине и Рут.)

Иронические размышления о жизни 16-летней девушки...

Инес любила в детстве играть вместе с сестрой в железную дорогу — подарок отца, которого мало трогали привычные каноны воспитания: эти игрушки — для девочек, эти — только для мальчиков. Рут с малолетства зачитывалась утопическими сюжетами, пытаясь докопаться до реальной сути. «Корабль с электромагнитом пришвартовывается к набережной, но ведь это никак невозможно при данном потреблении тока!» Гезине упивалась «кошмарными» историями Эдгара По.

Увлечения трех наших подруг в общемто не назовешь типичными для всего их поколения. Во многих семьях, даже в молодых, девочек еще воспитывают слишком односторонне; мальчиков и девочек дома готовят к активному вступлению в жизнь по-разному. Игра в куклы, основанная на эмоциональном поведении, «закреплена» за девочками, технические игрушки — то есть игрушки с рациональным содержанием — привилегия мальчиков.

В подростковом возрасте мальчики и девочки все чаще сами решают, чем им заниматься в свободное время, и большую его часть проводят вне семьи. При этом родители, как правило, предоставляют юношам бо́льшую свободу, нежели девушкам. Подросток вправе ездить по городу один, ходить в молодежный клуб, в кино, на стадион. Зато девушкам предоставляется другой «статус взрослости». К ним раньше начинают обращаться на «вы», дают им право голоса в семейных делах и в выборе одежды.

С возрастом у юношей, с одной стороны, и девушек — с другой, появляются разные склонности в чтении. Юноши тяготеют к криминальным романам, научно-фантастической и технической литературе. Эти книги дарят им родители; а девушкам, разумеется, дарят книги о любви и о животных. Юноши на любой возрастной ступени получают больше карманных денег, чем девушки, и тратят их на батарейки, технические детали и прочее в том же духе. У девушек карманные деньги идут на косметику и модные украшения. Можно было бы составить длинный список примеров того, как в повседневных мелочах выявляется традиционное распределение ролей.

Как же быть с политехническим образованием девушек? Ведь они его уже получают. Значит, надо и в семье поддерживать их интерес к технике. Но, конечно, больше всего смогут сделать школа, пионерская организация, союз молодежи, предъявляя одинаковые требования и к юношам, и к девушкам.

На практике уже сказывается равноправное положение женщины в обществе и в семье за 25 лет существования нашей республики. Что касается девушек, то они, например, все больше, как и юноши, интересуются информацией об актуальных проблемах современности, поставляемой ежедневной прессой. Если раньше они несли к матерям только свои личные заботы, то теперь заводят разговоры о политике. Причем отцы в большинстве случаев стали духовными исповедниками.

Рут говорит о своем отце: «Он умеет внимательно выслушать. Своими советами он помог мне встать на ноги в классе. Меня считали честолюбивой. Но это же не так. Просто мне безумно нравится учиться. Я и с другими охотно делюсь своими знаниями. А разговоры с родителями помогают мне лучше понять жизнь».

Общеизвестно, какую большую роль в воспитании детей играет образованность родителей. Примеры можно найти и в прошлом. Однако только социализм впервые создал такую общественную основу, которая дает возможность каждой семье преодолеть традиционный подход к воспитанию детей, тормозивший развитие личности. И когда шестнадцатилетняя девушка острит по поводу того, что мальчику отказывают в кукле, в ней говорит не просто желание покритиковать взрослых (это было бы как раз типично и нормально для ее возраста) — она отвергает еще не отживший патриархальный образ мышления.

«А дома пусть посидит муж!»

«Нет, работу я никогда не брошу, это для меня дело чести. Дети у меня будут. Двое, троих не хочу. А то один потом всегда обиженный. Я-то знаю, нас как раз трое. Сколько раз я куксилась в углу, смотреть смотрела, а в игру меня не принимали. Двое всегда лучше играют вместе. Или уж если не двое, то пусть будет четверо. Четверо детей да еще работа? Ну и что? А я все равно хочу коечего добиться в работе. И твердо стать на ноги в деревне. Может, и театральный кружок организовать, да мало ли что еще. Хорошо бы, конечно, побыть дома с год, пока дети совсем маленькие. Но если нельзя, если окажется, что я очень нужна на производстве, пусть муж посидит этот год дома. Почему бы нет?»

(Гезине — в разговоре с Инес и Рут.)

Требования, которые молодые люди предъявляют к жизни... Будущий животновод будет твердо стоять на ногах в деревне, жить ради других, работать с ними, будет матерью. В этом — вся Гезине. Работать в тропиках врачом, не только бескорыстно делать большое гуманное дело, но и помогать местным жителям преодолевать свою отсталость — этого хочет Инес. Повидать незнакомые страны — и это тоже.

Для Рут, Гезине и Инес, как уже для нескольких поколений женщин в нашей республике, работа, профессия — это возможность проверить и проявить себя. Будучи основным содержанием жизни, работа для них, однако, не подменяет семейную ответственность и счастье — как и семья, она составляет непреходящую ценность.

Поэтому молодые женщины стремятся устроить свою жизнь таким образом, чтобы крепче была их связь с работой, чтобы отстоять свое право на трудовую деятельность и развитие, на политическую ответственность, и с самого начала берут на себя двойную нагрузку: работу и семью. При этом чаще всего молодая женщина хочет работать полный рабочий день тогда, когда она довольна избранной ею специальностью. Трое из каждого десятка девушек, опрошенных сотрудниками Центрального института изучения проблем молодежи, считают для себя желательным полный рабочий день, шестеро — укороченный, пока дети не подрастут.

Что кроется за ответом этих шестерых? Наверняка и собственный детский «опыт» (если работали оба родителя), и то обстоятельство, что мест в яслях, как известно, не будет хватать еще в течение четырех лет и что вообще идеальных объективных условий для работающих матерей пока нет. Но сказывался на этом ответе и еще один фактор: пере-

житки в мышлении. Как показал опрос, у молодых людей они более живучи по сравнению с девушками. Мужчины подчеркивают домашние и семейные обязанности женщин и видят выход из трудностей прежде всего в извечном разделении труда: «Побудь-ка дома, милая, что тебе в какой-то там квалификации? Незачем тебе бежать на собрание, позаботилась бы лучше о детях...»

Молодые люди, похоже, еще не горят желанием перенять у жен бо́льшую часть работы по дому. А ведь как раз чувство общей ответственности и общего участия в домашних заботах — важный критерий равноправных семейных отношений. Когда этого чувства не хватает, легче вспыхивают супружеские конфликты и жена чаще подумывает о разводе. Увы, эту «партнерскую» роль мужчины в доме принято пока что считать не столько его долгом, сколько жестом проявления доброй воли. И даже шестнадцатилетние твердо усвоили это. Многие из них не поймут Гезине, которая намерена перепоручить будущему мужу заботу о детях, если она будет нужна на своей работе больше, чем он.

Однако она настаивает на своем, и не потому, что в этом есть какой-то особый шик, не потому, что она бравирует эмансипацией. Этого требуют интересы социалистического общества, нашего продвижения вперед, говорит школьница. Вот как широки взгляды части наших шестнадцатилетних. Такое мировоззрение привили им школа, их новые отношения дома, их политические дискуссии в организациях Союза свободной немецкой молодежи. Гезине и Инес — пионервожатые, и свое чувство ответственности они уже передают новому поколению девушек.

Брак

«Сложен безупречно, высокий, метр семьдесят три, спортивный. Влюбиться можно в два счета. Но — простоват. А жаль. Знакомство на одни каникулы. Забавно: встретить я его сейчас, то, наверное, опять была бы не в своей тарелке. Ерунда все это, конечно, но друг все-таки нужен. Такой друг, который может успокоить, если что-то не ладится. Только чтобы не надоедал со своей помощью, а то я ему кепку на глаза надвину».

(Гезине — в разговоре с Рут и Инес.)

Особо вызывающего в этой декларации, на мой взгляд, ничего нет. Как и вообще нет ничего сенсационного во взглядах молодежи на свои взаимоотношения. Во всяком случае, значительная часть молодежи далека от «того самого», что порой мерещится взрослым. Личные взаимоотношения юношей и девушек представляют собой не меньшую и не бо́льшую проблему, чем проблемы иных планов. Любовь между юношами и девушками, как подтвердили исследования лейпцигского института, благоприятно сказывается на их отношении к друзьям, к общественной работе, к труду, на том, как они проводят свободное время. Влюбленные никоим образом не замыкаются в своем личном мире, как это часто представляют.

Если будущий избранник Рут непременно должен иметь такое же, марксистское мировоззрение, как у нее («В противном случае не обо всем можно будет с ним говорить, и потом — ведь совершенно разное сложится отношение к страшно важным вещам в жизни»), если Инес не кажется ничего более страшным для замужества, чем инертность и обывательская лень, если Гезине видит в своем будущем муже в первую очередь духовного партнера, то ясно, как изменило социалистическое общество образ мышления молодежи, ее отношение к жизни.

Капиталистическое общество идеальными канонами, определяющими отношения мужчин и женщин, считает разницу в годах (мужчина должен быть старше женщины), духовное превосходство мужчины, его финансовое положение. У нас эти «идеалы» с годами поблекли. Величина заработка рассматривается относительно равнодушно благодаря твердому социальному обеспечению. Результаты исследований Центрального института изучения проблем молодежи показывают, что на первое место девушки ставят свойства, обеспечивающие стабильность и гармонию брачных отношений, а именно: Он — любящий отец, а Она — любящая мать, и они хранят верность, заботятся об уюте и об уравновешенной атмосфере семейных будней. На втором месте — качества, определяющие внутренний мир партнера: одинаковые духовные и культурные интересы, готовность делить успехи и неудачи. Чем активнее девушки и женщины, чем шире их кругозор, тем меньше пережитков в их представлениях о браке и семье.

* * *

Обычно девушки избегают слишком высоких слов. Это касается и Гезине, Инес, и Рут. Поэтому я скажу за них то, что они думают: сегодняшние шестнадцатилетние — и юноши, и девушки — на пути к новым позициям в жизни. А социалистическое общество, опирающееся на заложенный их родителями фундамент, дает им все больше возможностей для завоевания этих позиций.

...И ЧЕТВЕРО О СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИЦАХ

НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТОВ ОТВЕЧАЮТ ИНГЕ ЛАНГЕ, ИЛЬЗЕ ТИЛЕ, ИОХАННА ТЁПФЕР И ИЛЬЗЕ РОДЕНБЕРГ (ИЗ ОТЧЕТА О ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В БЕРЛИНЕ)

Миллион марок — на счет конгресса

Корреспондент журнала «Женщины мира» (орган Международной демократической федерации женщин) попросил рассказать о вкладе Демократического союза женщин Германии в движение солидарности. Отвечала председатель ДСЖГ Ильзе Тиле. Мы, сказала она, глубоко солидарны с теми женщинами мира, которым все еще приходится бороться за свою свободу и человеческое достоинство. С сентября прошлого года ДСЖГ уже перевел на счет Всемирного конгресса женщин, который соберется в октябре в Берлине, миллион марок.

Пусть берет шляпу и уходит...

На вопрос представителя журнала «Штерн» (ФРГ) об оплате труда мужчин и женщин в ГДР отвечала профессор, доктор Иоханна Тёпфер, член ЦК СЕПГ и заместитель председателя Объединения свободных немецких профсоюзов. Принцип «за равную работу — равная плата» выполняется в ГДР неукоснительно, подчеркнула она. «Наше государство, — сказала профессор Тёпфер, — еще не возникло, когда уже существовал приказ советского военного командования, согласно которому все молодые рабочие и работницы и все женщины должны были получать столько же, сколько мужчины, выполняющие ту же работу. Меня этот приказ тоже затрагивал, и моя зарплата в один миг утроилась».

Наше социалистическое общество постоянно заботилось и заботится о том, чтобы женщины действительно пользовались правами на труд и на образование. За 25 лет своего существования наше государство приняло множество законодательных актов, цель которых — предоставить женщинам благоприятные возможности для того, чтобы ликвидировать разрыв в уровнях образования мужчин и женщин. Вот пример: в 1973 году в стране насчитывалось 12 тысяч работниц высокой квалификации, а в прошлом году это число почти удвоилось.

Квартиры для многодетных

Корреспондент ТАСС поинтересовался, как проводится в жизнь социально-политическая программа VIII съезда СЕПГ в той ее части, которая касается женщин, особенно многодетных матерей. Отвечая, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Инге Ланге привела красноречивые цифры и факты. Число работающих женщин и девушек в последние годы продолжало расти и теперь составляет 80,1 процента всех трудоспособных женщин. Многие матери смогли пойти работать благодаря тому, что возросло число мест в детских садах и яслях. В нынешней пятилетке уже построено детсадов на 110 тысяч мест и яслей на 52 тысячи. Сегодня в детсадах находятся 800 детей из каждой тысячи, в яслях — 450 из тысячи.

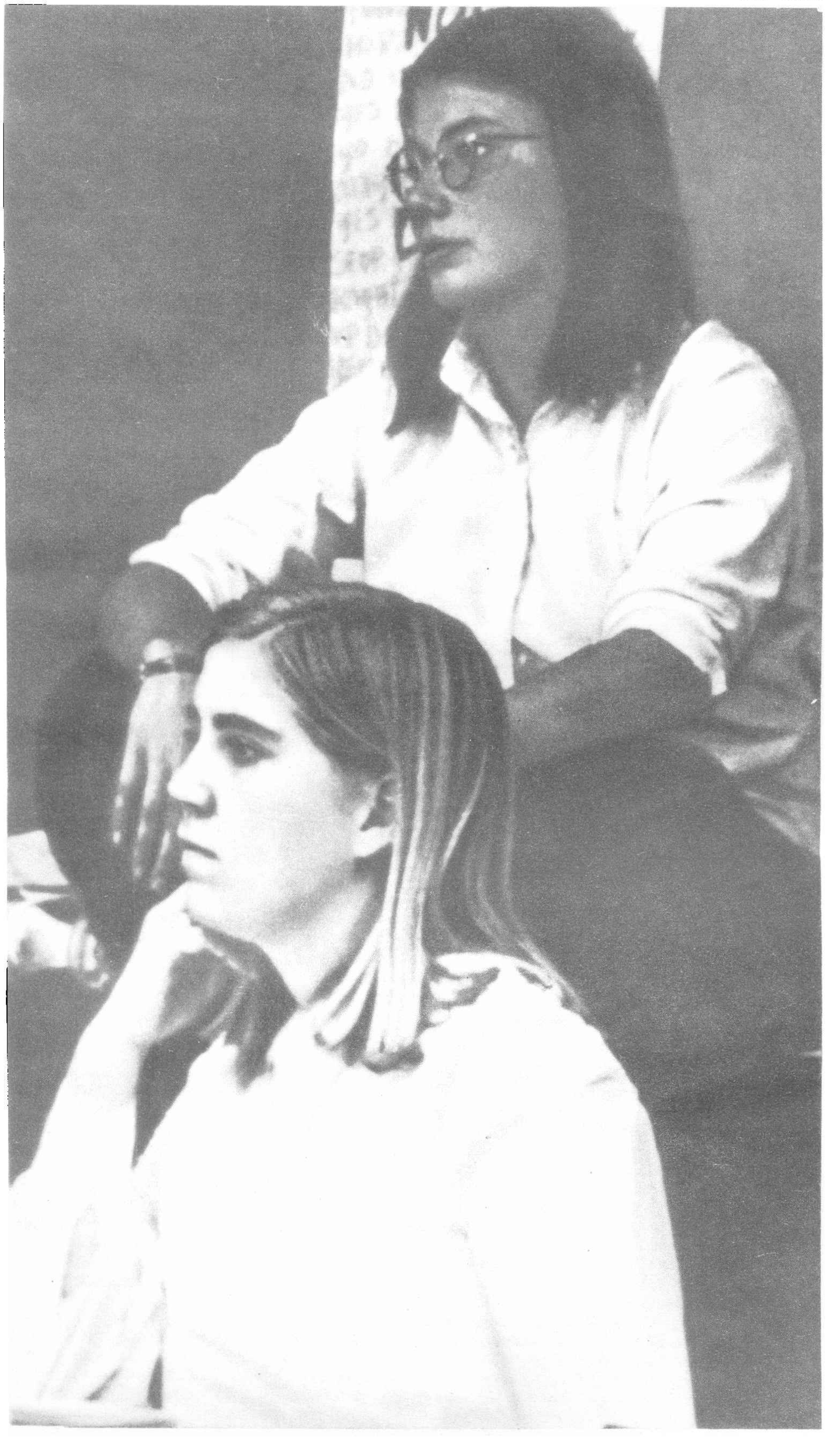
На пособия многодетным семьям в прошлом году было выделено из государственного бюджета 80 миллионов марок. Многие большие семьи переехали в более просторные квартиры.

Студентки творческих вузов

Следующий вопрос, заданный корреспондентом газеты «Национальцайтунг», касался участия деятельниц искусства в культурной жизни ГДР. Депутат Народной палаты, вице-президент Международного союза детских и юношеских театров Ильзе Роденберг привела в своем ответе интересные данные о росте числа студенток творческих вузов и училищ. Так, в четырех высших музыкальных школах девушки составляют 51 процент студентов, 80 процентов преподавателей — женщины. В высшей архитектурной школе девушек среди студентов 63 процента, в высшей театральной школе — 64 процента, в высшей школе кино и телевидения — 31 процент. Постоянно растет и число женщин в творческих союзах. В союзе художников (насчитывающем 3100 членов) 1080 женщин, в союзе писателей (750 членов) — 170.

КРЫЛЬЯ УРАГАНА

С. ВИШНЕВСКАЯ

Если ехать из Вашингтона в Вирджинию, в горы, в графство Нельсон, трудно не заметить на 140-й миле деревянный дом, стоящий особняком. Дому лет сто. Его единственной обитательнице Доре Моррис — 89. Более сорока лет она живет одна. Когда Дора идет к роднику за водой, ей встречаются белки, зайцы. Повадился к ней скунс — разляжется на крыльце и греется на солнышке. Она предельно бедна. Как-то по ее просьбе соседка Катерина купила ей в магазине мяса на 90 центов. «Я старалась растянуть как можно дольше. Было вкусно, но слишком дорого, — читаем ее рассказ в «Вашингтон пост», — так что никогда не покупала больше».

Позапрошлым летом ей установили телефон: соседи без ее ведома собрали необходимые 116 долларов 26 центов, после того, как Дора ночью пошла к ближайшей ферме за 2 мили сообщить, что коровы одного из ее соседей заблудились. Она не застала хозяев фермы дома, оставила записку и ушла назад по той же ночной дороге, по которой пришла. В 1969 году в горах бушевал ураган «Камилла» (американские метеорологи упорно называют их женскими именами). Всех заранее эвакуировали. Дора отказалась: «Если бы богу было угодно, чтобы я спустилась в долину, он бы что-нибудь придумал. Я остаюсь». На фото в газете — спокойное, умное лицо, с тем особым благородством, что проступает к старости.

Свой рассказ о современной американке я начала с Доры Моррис, потому что в ней, на мой взгляд, в чистом неприкасаемом виде жив дух американского пионерства. Знакомство с ней поможет понять, из какого теста замешаны ее соотечественницы, что это за люди, когда они живут вдалеке от запутанных перекрестков буржуазной цивилизации.

Вернемся на 140 миль назад и попадем на 100 лет вперед. Вашингтон. «Зайдем в гости» к другим женщинам. Более молодым, состоятельным, окруженным семьей. Дверь изящного дизайна, уютный свет фонарика над ней...

Чистота и порядок уютного салона мебельного магазина (цену им я узнала позже), приглушенные «культивированные» голоса — низкие, откуда-то из живота, приятные. Хозяева любезны. Кажется, все «соленое», «сыромятное» из обращения изъято. Нет-нет и покажется: не люди перед тобой, а роли: идеальная жена, идеальный муж, идеальные дети. И собака, пожалуй, тоже идеальная. Поскольку роли-то сами по себе привлекательны, они не столько раздражают, сколько смущают: что-то там, за ними?

Казалось бы, за 200-летнюю историю страны у определенной части американских женщин по всем статьям не было лучших времен. Они здоровее, лучше одеты. Более образованны, дольше живут. Их усиленно обхаживает реклама, на них работает легкая промышленность. Дома им помогают приборы и машины. Счастье? Ну конечно, убеждает реклама по радио и телевидению, со страниц красочных журналов и многометровых сверкающих неоном стендов. Конечно, это и есть счастье. Чего же вам еще?

Счастье вне времени, вне пространства, к которому как бы само собой прикладывается удачное замужество, чуточку везения — вторит рекламе киноэкран. Она всюду — эта навязчивая идея счастья — pursuit of happiness. Погоня за счастьем. Казалось бы, этическое кредо «американского образа жизни».

Попробуем принять его на веру, отвлечься от его конкретно-вульгарного содержания (счастье — это шампунь, краска для волос, корсет, сигареты). Попробуем согласиться, что нет-нет и на человека, может раз в жизни, сваливается словно с неба удача, любовь. Но не об этом в нашей статье. И тем более не о гедонизме — иллюзорном счастье «без конца и без края». Стоит разобраться в другом — в той мере счастья, которую американской женщине дает не другой человек, не случай, а общество, предлагаемые им образ жизни и духовные ценности.

...В аккуратненьком Силверспрингском доме для престарелых я вижу старух. Зрелище удручающее. Грубая, безжалостная реальность диктует мне фразы, которые могут показаться тоже грубыми и безжалостными: передо мной отработанный продукт общества, проповедующего культ счастья. Страшно от ощущения, что все эти люди словно пропущены через мясорубку американской цивилизации. Истощены все жизненные силы — в первую очередь нервные и психические. «Лучше сразу пулю в лоб, чем превратиться в такое», — сказала молоденькая сестра. А ведь по старости лучше всего можно судить о качестве жизни, прожитой человеком. Маразм — как логическое завершение «безумного, безумного, безумного мира». Было время, «пациентки» Силверспрингского дома пользовались шампунем, красили волосы, носили корсеты, курили сигареты. Pursuit of happiness. Гнались за рекомендованным и патентованным счастьем, вдоволь ели и жили в комфорте. А что нашли?

У героини вышедшей несколько лет назад книги «Дневник спятившей домохозяйки», казалось бы, есть все. Благополучное замужество, здоровые дети, достаток. Почему же — «спятившая»? С жиру бесится? Читаешь страницу за страницей, и вырисовывается в общем-то безысходная жизнь. В удобной квартире, с машиной в гараже — и безысходная, ибо лишена смысла. Ни полноценных контактов с людьми, ни личных успехов, ни людского одобрения или хотя бы порицания — вакуум. Отвезти детей в школу (школ в Нью-Йорке не хватает, и они часто далеко, в нашем случае школа особая, престижная). Убирать до потери сознания (чтобы как в салоне мебельного магазина). Потом ехать привозить детей. Готовить обед (американцы обедают вечером, когда вся семья собирается дома), встречать мужа, смотреть ему в глаза с желанием увидеть в них отблески большой жизни там, за стенами дома. И видеть только усталость — он тоже не бил баклуши. И так в понедельник и во вторник. День похож на день. Неделя на неделю. Месяц на месяц, год на год. Вся жизнь — длиной в неделю... Казалось бы, выход — работа. Но как быть с детьми (бабушки и нянюшки в Америке давно перевелись, все живут отдельно), детских садов мало, очень мало. Кто будет содержать престижный дом, кто будет разыгрывать счастливую жену в счастливом доме, когда в гости пожалует босс мужа? А где-то желтеет диплом об окончании колледжа, где-то на задворках подсознания — потускневшие мечты юности или... прогорклые, если именно замужество и было теми самыми мечтами... Тоска при мысли: твои страдания даже не особые какие-то, «родные», а стандартные, конвейерные, как в доме справа, слева, на соседней улице.

Наше современное общество — вспоминается фраза из какого-то журнала — расположено где-то между обезличиванием и психозом. Об этом — и в фильме «Женщина под влиянием». Обычно на экране чаще всего можно видеть взбалмошных искательниц приключений, невротичек, пилящих своих «добрых», «покладистых» мужей. Многим иностранцам, как и мне раньше, американка может показаться своенравной, «доминирующей», по тамошнему выражению. Но скорее она похожа на обиженного ребенка: тот тоже шумит, казалось бы, «доминирует», а каждый взрослый знает этому цену.

Однако вернемся к фильму «Женщина под влиянием», авторы которого в меру своего понимания сути проблемы попытались разобраться в том, как и чем живет жена «голубого воротничка» — американского рабочего. Начнем с того, на что она живет. В большинстве рабочих семей — жесткий, выверенный до цента бюджет. Это здесь ходят в гости со своей баночкой пива. По данным книги «Белое большинство», обычная семья с доходом от 4 до 5 тысяч долларов в год тратит в среднем 2 доллара в месяц на развлечения (множественное число здесь вроде бы и неуместно), 10 долларов на одежду, полгода копит деньги на «большой вечер» в ресторане с такими же парами, как они. Чем живут? Смотрят телевизор, иногда читают, раз в 3—4 месяца ходят в кино, отпуск проводят за ремонтом крыши. Можно так жить? Почему бы и нет, если вам «не светят другие огоньки»

А Мэйбл... Она любит оперу, балет, она оригинальна, у нее творческий склад. Для окружающих это признак... ненормальности. Она обращается за помощью к доктору, человеку, казалось бы, интеллигентной профессии, но и он смотрит на нее, как на взбалмошную чудачку. Мэйбл пытается найти широкий человеческий контакт с людьми, но ее искренность, спонтанность внушает им разве что неловкость. Проще всего в такой ситуации было бы заклеймить мужа Мэйбл — «бесчувственное бревно». Но нет, он такой же, как и все, его, так же как и других, за день изматывает конвейер, так же как и других, истощают сверхэксплуатация, сиюминутные житейские проблемы. Ему не до высоких духовных потребностей жены. Он сыт по горло каждодневкой. Она и это понимает, всячески старается приспособиться, рассеять мужа. Готова отказаться от самой себя, своей личности. Но не может. И сходит с ума.

Как писала газета американских коммунистов «Дейли уорлд», у «Мэйбл есть много причин сойти с ума, и в основе всех их — противоречия нашего американского образа жизни». Фильм тревожит, будоражит беспокойным вопросом: неужели в жизни некоторых рабочих семей есть место только житейской тривиальности? И еще. Неужели спасение — в безумии?

Две женские судьбы. На разных ступенях социальной лестницы. Что же — могут задать вопрос — в Америке только и есть, что спятившие домохозяйки? Разумеется, нет. Но в Америке есть все те проблемы, о которые разбиваются женские судьбы. Одних они касаются лишь слегка, на других — наваливаются скопом, третьи — прячутся от них, как прячет голову страус, четвертые... К тому же не следует забывать, что исполнять роль домохозяйки вынуждена лишь половина американских женщин. Другая половина, а точнее — 49 процентов американок, работает. Работает каждая третья мать с детьми младше 6 лет, и каждая вторая с детьми школьного возраста. Среди одиноких матерей с маленькими детьми работает каждая вторая, а с детьми постарше — 70 процентов. Около 12 процентов всех работающих женщин — черные.

Одни идут на работу, чтобы найти применение своим знаниям, другие — талантам, третьи (их больше половины) — из-за нужды. В той или иной мере всеми ими движет стремление найти и проявить себя как человеческую личность, стремление к самоутверждению и самовыражению. Но если дома они страдали от отупляющей рутины, то на работе их подстерегает другое: дискриминация. По данным экономистов, в 1973 году женщины интеллектуальных и технических профессий получали только две трети заработной платы мужчин, выполняющих ту же работу. Средняя оплата женщин со средним специальным образованием составляла 60 процентов зарплаты мужчин с тем же образованием. Дальше. У женщин в возрасте от 18 до 24 лет, окончивших колледжи или имеющих ученую степень, вдвое больше шансов, чем у мужчин, оказаться на неквалифицированной работе, которую получают те, кто не окончил даже среднюю школу. В августе 1973 года безработица среди женщин была на 48 процентов выше, чем среди мужчин. Как и негры, они последние, кого нанимают, и первые, кого увольняют. Независимо от знаний, диплома, до недавнего времени американке были уготовлены «традиционно женские» низкооплачиваемые рабочие места: секретарш, продавщиц, стюардесс, телефонисток, медицинских сестер. Послушаем Джил Теренс. Ее лицо знакомо американцам по рекламе в журналах, на телеэкране. Цитирую по удивительной книге Стеда Теркела «Работая».

«Сейчас в моде естественность. Но как можно выглядеть естественной, если на тебе три фунта косметики и в смехотворном наряде ты стоишь перед камерой посреди комнаты? То, что они называют естественностью, на деле страшная подделка... Потом... Звонок в 7 утра, и говорят: должна быть в студии в 8.30. А прическа, а туалет — когда? Наспех сборы, чашку кофе — бежать. Иногда мне хочется сказать, что я больна. Но клиент может подумать, что я зазналась... Выбегаешь из дома с целым шкафом в чемоданах — платья, туфли к ним, сумки, парики. Еще никто никогда не помог мне забраться или выбраться из такси, а я хорошо плачу чаевые. Тяжело. 3—4 чемодана. Выбираюсь из такси, лечу к студии. Ясно, что ты должна излучать свежесть, а волосы — сверкать. Но ты потеешь, как идиотка, и трудно быть свежей под горящими юпитерами после всего того, что потребовалось, чтобы добраться сюда... Я хотела идти в колледж, но накопила только 300 долларов... Обычно в манекенщицы идут из бедных семей. Большинство здесь из Огайо, Индианы и что-то вроде... Мне всегда хотелось поправиться. И раз я сказала фотографу, что набрала два фунта. Я была счастлива. Фирма распорядилась: «Она слишком толстая. Пусть похудеет». Не скажи я сама, они бы ничего не заметили. Но я бы никогда не смогла быть секретаршей. Я зарабатываю за три часа столько, сколько секретарша за неделю. Нет, я не смотрю на секретарш свысока. Большин-

ство из них — талантливые женщины, которые, вероятно, могли бы работать получше боссов, но никогда не получает этот шанс только потому, что они женщины.

Я бы присоединилась к женскому движению, но они не признают рекламу и косметику, так что я вроде бы и не могу идти на их собрания. На курсах, где я изучала фотодело, мне сказали, что, если бы я по-настоящему интересовалась женским движением, я бы перестала быть манекенщицей. Я пытаюсь объяснить им, что женщины настолько низкооплачиваемые, что я не могу получить приличную зарплату ни на одной работе... Меня не покидает чувство вины, потому что я считаю, что люди должны заниматься тем, что им по душе, моя работа меня не удовлетворяет, но будем считать, что я ленива, я признаю это...»

Итак, круг замкнулся. Дома — одни проблемы, на работе — другие. Проблемы, решение которых вне возможностей личности, проблемы общественные. Как же с ними бороться?

Женское движение в США — не сенсационная новинка последних дней. Впервые как политическая сила оно возникло еще в прошлом веке, когда американские женщины активно включились в аболиционистскую борьбу[1]. Конвенция в Сенека-Фолле в штате Нью-Йорк в 1848 году в защиту женских прав положила начало политическим выступлениям женщин. Они требовали права голоса, равных с мужчинами прав на работу и образование. Черные американцы добились хотя бы на бумаге конституционных прав в 1868 году, тогда была внесена 14-я поправка к конституции. Женщинам потребовалось еще 52 года напряженной борьбы, отягощенной насмешками, недоброжелательством, иной раз откровенной враждебностью. 20—30-е годы — период больших надежд. Все больше женщин заканчивают колледжи, но быстро убеждаются, что в «джазе» жизни им по-прежнему нет места. Вторая мировая война укрепила самосознание американки. Она заняла место мужчин, ушедших на фронт, и доказала, что в деловых качествах слабый пол может не уступать сильному. Она приобрела вкус к работе. Но вернулись мужчины, острая нужда в женском труде прошла. Их опять оттеснили на привычные «женские» должности или... на кухню. К американке вернулось чувство безысходности.

«Я иногда думаю, — пишет в «Вашингтон пост» писательница Ш. Кертин, — что нынешнее женское движение родилось из отчаяния наших матерей. Моя мать всегда мечтала стать художницей. Вместо этого у нее было 7 детей, и на ее лице я всегда могла видеть не горечь, нет, а чувство потери». То же чувство испытывали и многие из тех, кто работал: ни достойных мест, ни приличной зарплаты. Эти эмоциональные, духовные сдвиги стали атмосферой, фоном, немым рокотом, складом динамита. Никто не станет утверждать, что положение женщины-американки худшее в мире. Но заокеанская цивилизация, ее темпы, трансформации сами поставили перед женщинами сложный вопрос об их месте в обществе.

[1] *Аболиционизм — движение за отмену рабства негров, возникшее в конце XVIII века в США, Франции и Великобритании и получившее наибольшее развитие в США в первой половине XIX века.*

Конечно, в большой стране — Соединенных Штатах Америки живут разные женщины. Но разве случайно, например, что именно коммунистка Анджела Дэвис стала в глазах прогрессивной мировой общественности символом современной американской женщины, ее бескомпромиссности, мужества и ума. Разве случайно и разве только актерским дарованием объясняется популярность другой американки — Джейн Фонда? Говоря «современная американка», я имею в виду тех, о ком стоит поговорить, тех, кто избрал своей дорогой не пассивное сетование на жизнь или приспособленчество, а активное вмешательство, борьбу.

Рассказывая о положении женщины в самой богатой капиталистической стране — США, нельзя не коснуться такого получившего широкий размах явления, как «новый феминизм». Отношение к нему не может быть однозначно, как неоднозначен, а зачастую и противоречив подход «новых феминисток» к различным проблемам, как неравноценен выбор самих проблем, на которых сосредоточено внимание участниц этого движения. Миллионы борющихся американок объединяет основанная еще в 1966 году Национальная организация женщин с 300 филиалами в 48 штатах, тысячи местных женских организаций. Их участниц можно встретить у ограды Белого дома на Пенсильвания-авеню, на шумных улицах Нью-Йорка, Детройта, Чикаго, на Мэйнстрит маленьких городков — демонстрирующих, протестующих против расизма, сексизма (так в США называют дискриминацию женщин), милитаризма. И их же участницы часто преследуют цели, не имеющие ничего общего с социальным переустройством общества и ограниченные лишь тем, чтобы предоставить женщине равные с мужчиной возможности служить своему классу, его интересам.

Одна из лидеров движения «новых феминисток», Глория Стейнэн, говорила еще в 1970 году: «В смысле реальной власти — экономической и политической — мы только начинаем». Чего же добиваются «новые феминистки» в первую очередь? Полистаем прессу. Традиционно самая престижная мужская профессия — юриспруденция — атакуется женщинами. Даже Гарвард зачисляет их на юридическое отделение, по всей стране каждый пятый студент-юрист — женщина. Женщины — неслыханное недавно дело — открывают собственные адвокатские конторы. Впервые в истории президентом элитарного колледжа Смита становится... женщина.

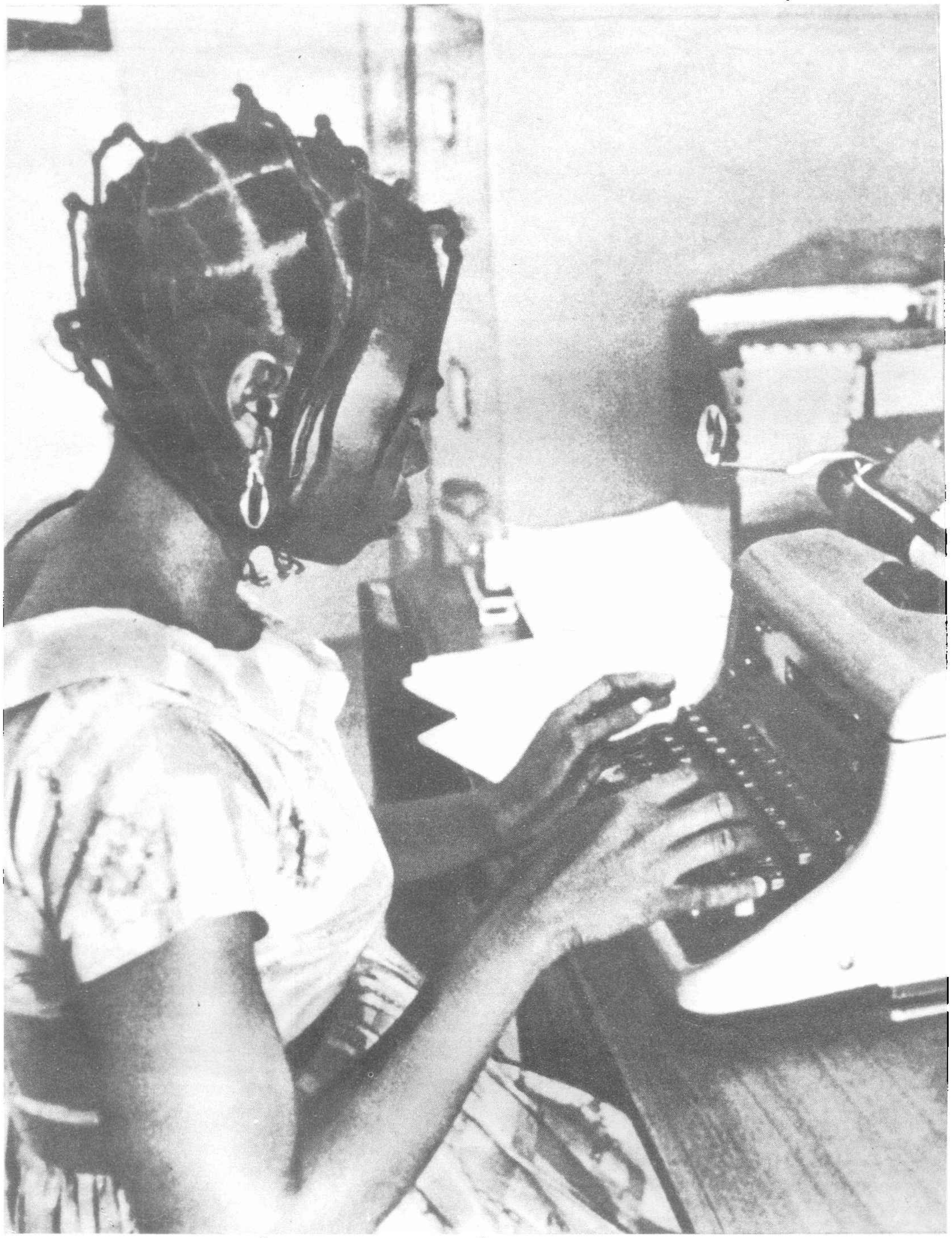
В 1973 году впервые в послании Белого дома затрагивается вопрос о положении женщины. Президент Никсон вынужден был признать, что с 1956 года сделан «медленный прогресс». «Гарвард бизнес ревью» опубликовал свое исследование 20 крупнейших корпораций. На долю женщин приходится лишь 1 процент менеджеров и высших специалистов. По мнению профессора социологии из колледжа Куинс, «женщины добиваются большей зарплаты и лучших должностей, но не ключевых постов». И здесь их положение не отличается от положения черных, которых нередко назначают на должности вице-президентов (царствуй, но не правь) и ни на йоту выше. Наибольшего успеха добились женщины — банковские служащие. К концу 1978 года банки обязались укомплектовать свои штаты на 40 процентов женщинами, из них 5 процентов — в должности управляющих, 10 женщин получат высокий пост в зарубежных филиалах. На политическом поприще, несмотря на популярный лозунг «Делайте политику, а не кофе», женщина все еще редкость. Была одна женщина-сенатор, да и той сейчас нет. Только 16 из 435 членов палаты представителей, только 6 процентов в штатных легислатурах. В прошлом году лишь 3 тысячи женщин выдвигали свои кандидатуры в местные штатные и федеральные органы власти. По-прежнему почти закрыты для женщин инженерия и наука. Здесь у них 1 процент мест.

Почему же так? Ведь на словах все — за равноправие, даже официальная пропаганда, не упускающая, впрочем, случая дискредитировать движение, свести его, умело используя просчеты «нового феминизма», к пресловутой «битве полов», выбить из-под него социальную основу. Стращают: мужчины откажутся любить вас, независимых. Убеждают: только изменение самой биологической природы человека, новая генетическая мутация могут разрешить женскую проблему. И все же 70 процентов мужчин проявляют сочувствие, понимание. Иногда иронизируют, но сочувствуют. Каждый политик в предвыборных речах делает реверансы в сторону женщин. Законодатели с высокой трибуны клеймят позором женскую дискриминацию. 1975 год, Международный год женщины, вероятно, войдет в историю Америки как год принятия 27-й поправки к конституции, гарантирующей по закону равенство полов. Женщины получили право подавать судебные иски с обвинением в дискриминации. С формальной, юридической стороны и желать больше нечего. А на деле?

А на деле в Америке тяжелый экономический кризис. Безработица достигла 10 миллионов человек. И самые сильные удары — по женщинам. Их, как и черных, «откатили» первыми. Сокращаются как раз те отрасли промышленности, где больше всего женщин. В одном Нью-Йорке только в швейной промышленности с марта 1974-го по март 1975-го было 41 400 увольнений. Не все ли равно безработной американке, какие речи звучат в конгрессе, какие комплименты расточают ей политиканы... Не до них, когда стоишь в очереди в бюро по трудоустройству или калькулируешь инфляционный домашний бюджет. Ирония в том, что многие семьи сейчас добились фактического равноправия, но какого?! И он, и она одинаково безработны. Не об этом они мечтали... «Уолл стрит джорнэл» предупреждает: у нынешнего кризиса впереди долгий мучительный процесс рассасывания. Долгие, мучительные проблемы уготованы американкам. Не в мужчинах видят женщины антитезу. Мужчины такие же эксплуатируемые, как и они. («Я бы с удовольствием поменял место у конвейера на место у плиты», — говорит не один рабочий.) В свое время негры осознали, что не белый их враг, студенты убедились, что не только молодые молоды духом. У всех угнетенных американцев одни проблемы, и носитель этих проблем один и тот же — корпоративная капиталистическая Америка. Впереди у женского движения — новые фазы сознания, новые фазы борьбы, а значит — и новые ураганы. Было бы наивно ждать штиля в обществе с такими перепадами расового и социального давления... К тому же... Метеорологам следовало бы чуточку задуматься, прежде чем называть ураганы женскими именами.

ПОСТИЖЕНИЕ

Борис ТУМАНОВ

Наш старенький «дуглас», летающий, видимо, со времен второй мировой войны, застрял на дакарском аэродроме. Механик-француз с головой влез в мотор и, похоже, был твердо намерен разобрать его полностью. Пассажиры вот уже пятый час маялись в неподвижной сентябрьской духоте. Нас повели к самолету уже в сумерках, и, проходя мимо злополучного мотора, мы поеживались: а если бы он отказал в воздухе?.. Но стюардесса, мавританская девушка, встречавшая нас на верхней площадке шаткого трапа, весело улыбалась, глядя на наши откровенно перепуганные лица. Уже сидя рядом со мной в кресле, мой попутчик, один советский инженер, уныло глядя в иллюминатор на медленно вращавшиеся винты, пробормотал: «Еще взорвемся, чего доброго...» И сейчас же рядом с нами женский голос произнес по-русски: «Не волнуйтесь, ничего страшного». Мы недоверчиво завертели головами: галлюцинация? Ведь за долгие часы ожидания у нас было время узнать, что, кроме нас двоих, на борту нет советских людей. В проходе за нашими креслами стояла стюардесса; все так же весело улыбаясь, встретив наши взгляды, она отчетливо повторила: «Ничего страшного. Долетим». И уже открыто засмеялась:

— Не удивляйтесь... Я совсем плохо говорю по-русски. У меня муж учится у вас в Киеве на летчика. Я от него немножко научилась. И еще с советским экипажем работала... Вот и разговариваю. Плохо говорю, да? Ничего, я тоже скоро еду в Киев. Учиться на врача.

Стюардесса, говорившая по-русски, была первой мавританской женщиной, с которой я познакомился. Тем удивительнее оказался для меня мир, в котором она выросла, — молодая африканская республика, где мне довелось проработать несколько лет корреспондентом ТАСС.

...Запыленные «лендроверы» президентского кортежа, отчаянно буксуя в песчаной колее, выбираются в последнем усилии на относительно твердую поверхность деревенской площади, где толпа оставила для них только узенький коридор. Солнце, пыль, радостные крики. Мелькая пятками из-под длиннополых рубашонок, мальчишки бегут рядом с машинами; напуганные непривычным шумом, ревут верблюды; где-то в толпе приглушенно бьют тамтамы. Это уже десятая или одиннадцатая деревушка, которую посещает президент, совершающий поездку по стране. Тут не мудрено сбиться со счета — в каждом селении нас встречает одна и та же картина. Куда девалась традиционная сдержанность в одежде местных жителей, круглый год носящих одно и то же голубое «бубу». Толпы встречающих выряжены в одежды всех цветов радуги; женщины щеголяют в длинных, туго накрахмаленных национальных платьях — ослепительно белых, нежно-розовых, красных, золотистых. И повсюду, в каждой деревне повторялось непонятное: странным и тревожным диссонансом в этом разнообразии красок выделялась группа женщин в черных платьях-рубахах. Они не смешивались с толпой, хотя и стояли вместе с ней, и аплодировали, и смеялись — словом, вели себя так же, как и окружающие. Сначала мы, иностранные журналисты, подумали, что черные платья означают траур. Однако чем было объяснить неуловимый, но явно существовавший барьер между этими женщинами в черном и остальными? Мавританки отвечали на наши расспросы уклончиво, стараясь при этом увести разговор в сторону. Мой знакомый Абдеррахман сначала тоже пытался отделаться неопределенными фразами, но в конце концов признался:

— Это харатинки... Ты никогда о них не слышал?

Харатины. Каста рабов, которых в давние времена мавританские воины приводили, возвращаясь из набегов за реку Сенегал... Значит?..

— Да, да, именно рабыни, — говорит Абдеррахман. — Декретами с этим не покончишь так вот, сразу. Конституция, конечно, исключает всякое рабство, но обычаи живучи. Разумеется, это уже не то, что было в средние века — кандалы, телесные наказания, но в социальном плане, сам видишь, даже цвет одежды отличает их от полноправного члена общины...

Стюардесса, говорящая по-русски и собирающаяся изучать медицину. И рабыня. Дочери одного общества, разведенные действующими в этом обществе силами (не законами — обычаями, предрассудками) на противоположные социальные полюса. И так, увы, не только в Мавритании.

Среди бесчисленного множества проблем, с которыми сталкиваются молодые африканские государства, одна из ключевых и самых трудных — раскрепощение женщины, привлечение ее к активному участию в управлении государством и экономикой. В условиях Африки особая актуальность и острота вопроса об эмансипации женщины объясняются не только критериями

принципиального, общественного порядка, требующими превращения женщины в полноправного члена общества. Чтобы понять, в чем тут дело, совершим мысленный экскурс в прошлое этого континента.

Естественное развитие африканского общества остановилось с приходом колонизаторов. Эксплуатация, экономическое ограбление — это еще не все, в чем повинен колониализм. Не менее серьезным последствием было нарушение социальных связей и пропорций в африканском обществе. Конечно, колонизаторы были вынуждены вносить в африканскую экономику и элементы технического прогресса, и новые формы производственных отношений и даже — разумеется, в зачаточной форме — просветительства. Того требовали их собственные интересы. Но в конечном итоге эти факторы обернулись против самого колониализма — общеизвестна их роль в формировании рабочего класса Африки, ее прогрессивной интеллигенции. Однако что касается женской части населения, то ее традиционная отсталость в колониальные времена только закрепилась. Колонизаторы рассматривали свои владения исключительно как резервуары дешевейшей рабочей силы, и женщине было в лучшем случае уготовано место прачки или няньки при семьях «белого человека». В африканском обществе, каким его застало наступление независимости, женщины были самой отсталой категорией населения.

Многие африканские руководители отдают себе отчет в существующих социальных диспропорциях. Они понимают также, что на нынешнем этапе развития дальнейшее их существование нетерпимо. Больше того — для успешного выполнения социально-экономических задач, стоящих перед молодыми государствами, речь должна идти не просто о юридической эмансипации африканской женщины, но о подлинной революции в ее общественном положении, иными словами, об эффективном привлечении ее к участию во всех сферах общественной жизни.

Это очень нелегко сделать, учитывая слабость экономики и барьер из живучих традиций. Неудивительно, что иной раз предпринимаются попытки найти такой — «свой», «африканский» — вариант эмансипации женщины, при котором мирно соседствовали бы старое и новое, отсталое и прогрессивное. Как правило, в этих случаях настоящее решение проблемы подменяется поисками случайных, внешних атрибутов. То в одной, то в другой африканской стране вспыхивает, например, блиц-кампания против мини-юбок. Или развертывается движение за ношение только национальных нарядов. Или объявляются конкурсы на женское платье, «наилучшим образом сочетающее требования религии и современной моды».

Во многих африканских правительствах появились женщины-министры. В некоторых случаях они представляют действительно хорошо организованное женское движение, но, к сожалению, бывает и так, что допуск одной-двух женщин на достаточно высокие государственные посты диктуется соображениями формального престижа — это лишь жест о добрых намерениях, а на деле женщина остается — в массе своей — закрепощенной и, по сути, бесправной.

Однако при всех этих «издержках» процесс пробуждения африканской женщины, ее приобщения к политической, экономической и культурной жизни продолжается. Конечно, в глубинах этого процесса возникают явления сложные, порой противоречивые. Но это вполне естественно.

...Промышленные предприятия Мавритании можно в буквальном смысле пересчитать по пальцам, причем только на одном из них работают женщины — на Нуакшотской ковровой фабрике. Их немногим больше пятидесяти человек — они все умещаются в одном автобусе, который возит их на работу и домой. Сами того не подозревая, работницы ковровой фабрики держат в руках одну из доходнейших для мавританского государства экспортных статей: сотканные из чистейшей верблюжьей шерсти мавританские ковры высоко ценятся на международном рынке, за некоторые экземпляры европейские покупатели дают до двух тысяч долларов. Ковры здесь ткут только вручную.

До сего времени работницы ковровой фабрики числятся в особой, одной из низших каст — ремесленников. Приобщить к сознательному участию в национальном строительстве этих забитых, бессловесных женщин, привыкших к безропотному послушанию дома и на работе, трепетавших перед мужем и хозяином, не смевших даже подумать о том, чтобы преступить религиозные, кастовые и домостроевские запреты, было очень трудной задачей, которую поставили перед собой активистки женского движения Партии мавританского народа. Эта задача еще далеко не решена, но первые шаги уже сделаны. Фабрика работает теперь на кооперативных началах — постепенно работницы будут учиться управлению собственным предприятием. При фабрике созданы детские ясли. И наконец, сломаны традиционные рамки кастовости: производство ковров будет расширяться, и в связи с этим объявлен широкий набор учениц в школу ковроделия, организованную при фабрике.

При всей прогрессивности этих мер нельзя преувеличивать их значение и последствия для социального положения мавританских женщин. Коренным образом оно сможет измениться только тогда, когда женщины будут вовлечены в сферу современного производства; кстати, мавританское правительство действует и в этом направлении — строит текстильную и швейную фабрики.

Перемены на ковровой фабрике важны и в психологическом плане — работницы стали сознавать свое равноправие с мужчинами перед лицом государства, значимость своего труда, общественную полезность. Да, возвращаясь к своим домашним очагам, эти женщины снова становятся бессловесными рабынями мужа или отца, или старших братьев. Но теперь и им самим ясно, что вечно так продолжаться не может и что если не они, то их дочери будут жить по-иному.

В прогрессивной африканской печати не случайно подчеркивается, что подлинное раскрепощение африканской женщины может быть достигнуто прежде всего в сфере современного производства и, следовательно, теснейшим образом связано с экономическим развитием Африки. Участие женщин в демонстрациях, митингах, различных социально-культурных мероприятиях стало сегодня в Африке явлением повсеместным и, пожалуй, обыденным. Но задачи, стоящие перед африканскими женщинами, не исчерпываются борьбой за равноправие с мужчинами и социальное равенство. В отличие от женщин в старых капиталистических государствах — женщин, боровшихся и борющихся за свои права в условиях сложившегося общества, развитых социальных и экономических отношений, — африканская женщина призвана своей борьбой одновременно помогать строительству нового общества, то есть прямо участвовать в определении национального будущего, основы которого закладываются на наших глазах.

...Молодая мавританская семья, с которой я был хорошо знаком. Он — профессиональный журналист в прошлом, ныне ответственный работник министерства туризма. Длительное время стажировался за границей. По всеобщему мнению, исключительно компетентен. Работает увлеченно, не считаясь со временем. Широко образован, мыслит глубоко, прогрессивно. Увлечен идеей создания нового. современного мавританского общества.

Она — секретарша в местной авиакомпании. Имеет полное среднее образование (редкость для женщины в здешних условиях). Очень пытлива и любознательна. В ее общении с людьми ощущается твердое сознание собственной независимости, независимости трудящегося человека. В отличие от подавляющего большинства соотечественниц смело высказывает собственное мнение, спорит, и, более того, на. работе ее острого языка побаивается даже начальство, которому иногда достается за медлительность и «бюрократизм».

В характеристике этих молодых людей ничто не приукрашено. И тем не менее их повседневная жизнь — это мучительный компромисс между собственными принципами и требованиями традиционной, закоснелой среды, которая практически не уступила, да и не могла, разумеется, уступить своих позиций за пятнадцать лет независимости Мавритании. Жизнь этих молодых людей четко, зримо, осязаемо распадается на две абсолютно противоположные части в зависимости от того, где они находятся — на работе или дома.

Они живут с его родителями. Это следствие ультимативного требования стариков под страхом отлучения от родового клана. Обычно веселая, говорливая Айшату, еще утром «разносившая» своих сотрудников, дома умолкает, не смея спорить даже с мужем. Фетах — ее муж — в течение дня уверенно руководивший своим департаментом, дома ведет себя с превеликим смирением: опущенные глаза, сложенные на груди руки, тихий, до шепота, голос; меняется даже его речь, сводящаяся к традиционным формулам послушания.

Ростки бунта все-таки прорываются сквозь глухое существование. Бунтует Айшату. В одиночку. Муж ей не помощник, и она на него не обижается, понимает: она в худшем случае потеряет мужа, но не лишится поддержки своей родни. Он же рискует быть отлученным от целого рода, а для мавританца, даже образованного, это непоправимая беда: изгоя будут сторониться на работе, выживать с места, ему не у кого будет просить помощи, если его уволят. И Айшату борется.

Увы, надо смотреть правде в глаза: Айшату не сможет добиться многого, пока она с мужем живет у его родителей. Конечно, ячейка новой семьи уже сложилась — семьи с новой психологией, которая должна стать частичкой фундамента будущего мавританского общества. Но будущий ребенок рано или поздно будет втянут в однообразный круговорот вековых домостроевских традиций. И поэтому для Айшату и Фетаха рядовой, казалось бы, вопрос быта — жить молодым отдельно или с родней — вырастает в проблему общественного масштаба.

— Нет, — говорит мне Айшату, — нет, я не уступлю. Для меня это вопрос жизни. Я не из упрямства так себя веду. Моих подруг родители откармливали одним молоком. Как овец. Насильно. Чтобы толще были — это ценится. Чем толще, тем выгоднее можно замуж выдать. Их заставляли месяцами, не двигаясь, сидеть в палатке. Чтобы ни грамма не потеряли. Это и сегодня, и сейчас делают. Мне повезло — меня учиться отдали родители.

И мужу:

— А ведь твои родители до сих пор переживают, что я худенькая. И не потому, что за мое здоровье беспокоятся...

Общественная активность Айшату и таких, как она, может остаться всего-навсего формальной надстройкой на незыблемой глыбе традиционного уклада, если эта активность не будет подтачивать, разрушать отсталые нравы. Мало уметь печатать на машинке, управлять ткацким станком или преподавать в школе. Нужно, как выразился один из моих мавританских друзей, чтобы это умение могло быть использовано африканской женщиной «как своеобразный пропуск в сферу общественных отношений», то есть вести к действительному равноправию женщин. Иначе профессиональная подготовка останется внешним и единственным атрибутом «эмансипирован-

ности», по сути дела, ничего не меняя в общественном положении женщины.

На пути, который предстоит пройти африканским женщинам, еще сохранилось множество своеобразных ловушек, ложных идеалов, возникающих иногда от специфичности африканского общества, иногда от вполне понятного желания перескочить через этап развития, поскорее достичь конечной цели. По традиции в Черной Африке, например, женщине отводилась зачастую более активная экономическая роль, нежели мужчине, во многих сферах — в мелкой торговле, сельском хозяйстве, в семье. На этом фундаменте кое-где в Африке пытались и пытаются до сих пор построить своего рода модель современной общественной деятельности женщин, полагая, что их традиционную активность можно использовать и в других, принципиально новых, сферах и что для этого достаточно, так сказать, простой смены лозунгов. Но ведь традиционная хозяйственная активность женщин при старом укладе жизни вовсе не говорила об их равноправии: просто они были обязаны работать по дому, в поле и на базаре больше, чем мужчины. Поэтому для пробуждения подлинной гражданской активности женщин необходимы новые социальные стимулы, которые нельзя подменить внешними знаками эмансипации.

В Конго женщины исстари занимали главенствующее положение в семье и в общине. В племени баконго, например, авторитет женщины настолько высок, что даже имущество семьи и дети в случае развода или смерти матери переходят к родственникам по материнской линии. Женщина кормит семью в буквальном смысле слова — она не только готовит пищу, но и сама возделывает семейное поле. Мужчины охотятся, строят хижины, занимаются врачеванием (и шаманством), уступая более активную роль в хозяйстве своим подругам.

Такое разделение труда было возможным лишь в условиях деревни. Появились первые плантации, фабрики, города. Мужчины «сменили амплуа» — нанимались рубщиками сахарного тростника, сборщиками пальмовых орехов, чернорабочими. Африканские семьи стали переселяться в город, где женщина была отлучена от своих привычных занятий, в поле и на базаре, ее мир сузился до рамок домашнего хозяйства — приготовление обеда, стирка, шитье, дети. Главным кормильцем, добытчиком стал мужчина, по праву взявший на себя функции главы семейства. Старая, традиционная африканская семья перестала существовать, но что возникло на ее месте? Подобие европейской семьи: благонравная домохозяйка и муж — опора семьи...

На приемах, обедах мне часто приходилось наблюдать одну и ту же картину: молодые, словоохотливые, элегантные африканские чиновники, журналисты, деловые люди непринужденно общаются с гостями, обсуждая самые разные темы; их жены, стоя рядом с напряженной, застывшей улыбкой, неловко держат в руках обязательный стакан с давно уже теплым виски-сода или томатным соком; они молчат или, в лучшем случае, в деланно «светском» тоне ведут беседы о погоде... Но не думайте, пожалуйста, что эти женщины не замечают искусственности своего поведения. Они просто добросовестно играют роль «светских» жен — так надо их мужьям, делающим карьеру, так принято...

Многие африканские радио- и телевизионные станции включают в свои программы ежедневные беседы специалистов, предназначаемые для матерей, домохозяек. В этих беседах даются советы о том, как ухаживать за грудным младенцем, помогать детям готовить уроки, вести семейный бюджет и т. п. Но могут ли слушательницы на практике воспользоваться этими советами? Вряд ли. Ибо «идеальная» африканская семья, с чистенькими, упитанными детьми, живущая в кокетливых коттеджах и раскатывающая на собственных автомашинах, существует пока только на сусальных рекламах мыльного порошка или овсяной каши. Абсолютное большинство африканских матерей не имеет возможности пользоваться электричеством, стиральными машинами (не на что купить), помогать детям готовить уроки (сами неграмотны) или хотя бы «незамедлительно» обращаться к врачу в случае болезни (врач далеко не всегда в пределах досягаемости).

Так что, хоть правда и сурова, но другой нет; вывести африканскую женщину из отсталости может только победа над экономической слабостью всей Африки. Судьба африканской женщины неотделима от всей совокупности проблем развития континента. В тех африканских странах, где борьба с колониализмом принимала наиболее острые формы, требуя всенародного участия, женщина, прошедшая все этапы этой борьбы бок о бок с мужчинами, оказалась в конечном итоге хорошо подготовленной к участию в социально-политической и экономической жизни своей страны после обретения независимости. Об этом красноречиво свидетельствуют примеры Алжира, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Народной Республики Конго, где женщины становятся все более динамичной силой общества.

Африканская женщина с автоматом в руках — это один полюс ее сегодняшней жизни. Но есть и другие полюса...

Колониализм, уходя из Африки, готовил позиции для своего возвращения на континент в маскировочных нарядах неоколониализма. Бывшие хозяева заботились о том, чтобы обеспечить себе позиции в идеологической сфере, не меньше, чем в области экономики. Их главным методом было наведение на ложные идеалы, подкидывание фальшивых ценностей и критериев. Не обошли они своим вниманием и африканских женщин, торопясь навязать им свою модель поведения, скопированную с классических обывательниц метрополий. Возможно ли представить себе, чтобы французские, английские, бельгийские колонизаторы ставили африканкам в пример настоящих героинь собственных народов? Конечно же, нет. Независимость, которой добились африканские страны, подносилась ими практически как очередная мода. Вы независимы? Прекрасно! Теперь вы имеете все возможности для того, чтобы жить так, как жили ваши недавние европейские хозяйки. И с откровенным цинизмом Африку бомбардировали идиотскими снадобьями для «распрямления волос» и «отбеливания кожи». Африканке вдруг стали исступленно льстить модельеры крупнейших европейских домов, парфюмеры, ювелиры. Африканку стали учить одеваться, пользоваться косметикой... Подтекст был до глупости примитивен: увы, до независимости африканские женщины были слепы и только теперь открыли свое истинное призвание. Призвание, которое должно заключаться в одном: все, что угодно, кроме политической деятельности.

Поэтому в сегодняшней Африке образ девушки с автоматом соседствует — иногда буквально — с победительницами мелких и крупных «конкурсов красоты». Там, где неоколониализму удалось сохранить контроль над средствами массовой пропаганды, фотография женщины, выигравшей в лотерею, единственно возможным олицетворением счастья фигурирует на первой странице газеты. Неоколонизаторам надо успеть. Успеть на свой лад «переучить» африканку до того, как она, встав за станок, учительскую кафедру, надев халат врача, почувствует, осознает свою подлинную роль в обществе. Они понимают, что этот процесс неотвратим, но пытаются затормозить его всеми средствами.

Вопрос о судьбе африканской женщины непосредственно связан с вопросом более широкого плана — куда пойдет Африка в своем социально-экономическом будущем: станет ли она повторять азы капитализма или же последует примеру тех африканских государств, которые провозгласили своей конечной целью построение социалистического общества? Логика законов, управляющих обществом, такова, что любые попытки создать гибриды общественных формаций — какие-то «срединные» пути развития — неизбежно заканчиваются провалом.

В конце 60-х годов бывало так: активисты молодежного движения устраивают вечером облаву на женщин, промышляющих любовью (в центральных кварталах городов таких женщин было особенно много); задержанных отвозят в районные отделения молодежного движения, где с ними проводят увещевательную беседу на тему о чувстве национального достоинства, женской чести. А утренние газеты подробно описывают очередной «блестящий прием» в кругах поразительно быстро сформировавшегося местного высшего общества — прием с благотворительной целью в пользу «падших женщин». Картина знакомая, скопированная с «матушки-Европы»...

Эволюция положения африканской женщины происходит в сложных условиях. Но, несмотря на все трудности, непредубежденный наблюдатель ни на минуту не усомнится в конечном успехе этого процесса. Простые человеческие истины — справедливость, солидарность, доброта, материнство, любовь к детям — одинаковы для женщин всего мира. Да, африканка из глухой лесной деревушки не знает, где находится Вьетнам. Но расскажите ей о том, как боролись за счастье своего народа вьетнамские женщины (мне пришлось это делать через переводчика, говорившего на лингала), и в сердце этой африканской матери проснется симпатия и солидарность с далеким вьетнамским народом, продиктованная человечностью, и она скажет: «Плохие люди кажутся сильнее, но побеждают только добрые».

Африканка уже постигла главное — общность своей судьбы, своей жизни, с радостями, заботами, огорчениями и надеждами женщин всего мира. И в этом постижении она сама духовно распрямляется, смелеет, яснее представляет себе, за что и как надо бороться.

...Пятнадцать лет назад мавританские женщины — искуснейшие мастерицы в выделке кож, ткачихи, прядильщицы — не подозревали о том, что их искусством может гордиться целая страна. Что их искусство, их умение может объединить их. Но вот уже в течение нескольких лет ежегодно в Международный день женщин мавританки шлют в Нуакшот за сотни километров, со всех концов мавританской пустыни свои изделия на общенациональную выставку. И долго, волнуясь, ждут результатов своего дружеского соперничества, слушают радио, обсуждают решения жюри. Скажете: что же тут особенного? Хотя бы то, что раньше ничего подобного не было. Для мавританки, за всю жизнь не сделавшей ни шагу за пределы своей деревенской общины, участие в общенациональном конкурсе и возможность — кто знает? — стать известной всей стране — событие, и еще какое! Штришок, но из таких штришков, которые пока еще не всегда и разглядишь, складывается картина постепенного обновления африканской жизни, раскрепощения африканской женщины.

Нуакшот — Москва

ТЕРЕЗА БАТИСТА СРАЖАЕТСЯ С ЧЕРНОЙ ОСПОЙ

РАССКАЗ
Жоржи АМАДУ,
бразильский писатель

Рис. В. Колтунова

Когда на землях Букимы разразилась эпидемия оспы, борьбу с нею в городе взяли на себя женщины. Они одни смело встретили черную оспу и победили эту безжалостную убийцу. Командовала сражением Тереза Батиста.

Страшная война: не возьми на себя Тереза руководство, и не осталось бы никого в районе Мурикапебы, чтобы поведать эту историю. Жители даже убежать не смогли, этой привилегией воспользовались лишь зажиточные люди, живущие в центре города, владельцы поместий, торговцы.

Оспа накинулась с яростью, у нее была старая ненависть к этому городку и его населению, она прибыла преднамеренно, решив умерщвлять, и делала это с мастерством, хладнокровно и зло, безобразная и дурная смерть, самая ядовитая оспа. «До и после оспы», «за шесть месяцев» или «три года спустя» — так еще и поныне говорит народ, производя отсчет времени по собственному календарю — до и после ужасного события, страх естественный и бесконтрольный, кто не испугается? Не испугалась Тереза Батиста — если она и ощущала страх, то сдержала его в груди: иначе нельзя было бы воодушевить женщин и повести их за собой на эту тяжелую работу. Отвага — это не атрибут того, кто бросает вызов и дерется, обмениваясь зуботычинами и выстрелами, кто отлично орудует ножом — все это может делать любой, зависит лишь от обстоятельств и необходимости. Но чтобы ухаживать за боль-

ным оспой, смело встречать зловоние и плач, гниющие улицы и лазарет, недостаточно быть таким храбрецом, отличающимся в драках.

Если бы народ Мурикапебы располагал деньгами и властью, он воздвиг бы на площади Букимы монумент Терезе Батисте и женщинам, героически трудившимся вместе с ней.

Букиму навестила черная оспа, слепая, с пустыми глазницами, с руками, брызгающими гноем, синтез язв и зловония, она высадилась с товарного поезда Лесте Бразилейра, прибывшего с берегов реки Сан-Франсиско. Среди своих многочисленных мест пребывания это одно из самых излюбленных ею: в этих местах оспа не одинока — здесь свирепствует тиф, сопровождаемый мрачным семейством тифозных лихорадок и паратифов, малярией, проказой, «болезнью Шагаса», дизентерией, специализирующейся на умертвлении детей, бубонной чумой, чахоткой, различными лихорадками и неграмотностью. Здесь, на берегах Сан-Франсиско, реки, протекающей по территории пяти штатов, эпидемии имеют могущественных союзников: землевладельцев, полицейских инспекторов, командующих отрядами общественных сил, политиканов, само правительство, наконец.

По пальцам можно сосчитать союзников народа: святой Иисус Лапы, кое-какие верующие и часть духовенства, немногие врачи и медицинские сестры, скудно оплачиваемые учительницы — крошечное войско против многочисленной армии заинтересованных в существовании страшной болезни.

Если бы не было оспы, тифа, малярии, неграмотности, проказы, «болезни Шагаса» и многих других бедствий, господствующих в сельской местности, то как же удалось бы сохранять и расширять границы поместий, имеющих размеры целых стран, как культивировать страх, внушать почтение и эксплуатировать должным образом народ? Без дизентерии, крупа, столбняка, голода в прямом смысле слова можете ли вы представить себе мир подрастающих детей, арендаторов, работников, испольщиков, огромных отрядов авантюристов, захватывающих и делящих между собой земли? Эпидемии необходимы и заслуженны, без них была бы невозможна индустрия засух, такая прибыльная; как без них сохранить существующее общество и удержать народ от самого страшного из бедствий? Представьте себе этих людей здоровыми и умеющими читать, какая страшная опасность!

Торжествующе шествует оспа — не анемичный аластрим, обычная белая оспа — постоянная спутница народа на плантациях и на улицах городов, расходящаяся оптом и в розницу, раздаваемая даром.

Белая оспа — ограниченная опасность, так как от нее погибает мало взрослых людей — она умерщвляет всегда некоторое их число, как бы по обязанности, но она так давно пребывает в районе, что народ под конец привык к ней и установил правила сосуществования: семья заразившегося оспой не делает прививок, не поднимает тревоги, не зовет врача, применяет дешевые лекарства, травы, только бережет глаза, обращая мало внимания на остальное; взамен аластрим удовлетворяется тем, что метит лица, щиплет кожу, приносит несколько дней жара и бреда. Помимо безобразия изрытого оспинами лица, изъеденного носа, деформированной губы, белая оспа любит ослеплять свои жертвы; она также служит для того, чтобы умерщвлять детей, помогая дизентерии в ее очистительной функции. Глупая оспа, немногим более опасная, чем корь и ветрянка, на этот раз не она, эта робкая и несерьезная оспа, прибыла с берегов Сан-Франсиско на поезде Лесте Бразилейра — то была черная оспа, она прибыла, чтобы убивать.

Не теряя времени, вновь прибывшая принялась за работу. Интенсивными действиями в центре Букимы она начала выполнение намеченной программы с дома префекта и церковного прихода, где жили священник и семья ризничего. Проклятая торопилась, она прибыла с честолюбивым планом полностью уничтожить население города и плантаций, не оставив в живых никого, кто мог бы потом рассказать о случившемся. По прошествии нескольких дней были констатированы первые результаты: панихиды, гробы, плач и траур.

Быстрая и свирепая, она распространилась из центра по всему городку, добравшись в субботу до района Мурикапебы на окраине города, где живут самые бедные из бедняков, в том числе немногие девушки без определенных занятий.

Благоприятное место, тинистое болото, зловоние, мусор; в Мурикапебе оспа распространилась, выросла, укрепившись для недавно начатого сражения. Собаки и детишки перерывали горы мусора в поисках еды, остатков со столов из центра города. Стервятники урубу летали над глинобитными домишками, где старухи искали вшей, томясь в вечерней духоте, — это было у них единственным волнующим развлечением; с ветром заразная вонь поднималась в воздух. Для оспы это место представляло праздничный домашний очаг.

Смолкли в поселке песни и звуки гармоники и гитары. Как в центре, на улицах богачей, так и в Мурикапебе первые покойники были похоронены на кладбище. Потом стало не до того...

За здоровьем населения в Кукиме наблюдали не только макумбейро [1] Агнело и знахарка Ардуина, у которых была обширная клиентура и широкая известность; в городском пункте здравоохранения работали двое врачей — доктор Эвалдо Маскареньяс и доктор Ото Эспиньейра, медсестра, санитар и аптекарь.

Семидесятилетний доктор Эвалдо Маскареньяс с трудом наносил визиты больным, он был полуглухим, полуслепым. Доктор же Ото Эспиньейра, современный молодой человек, кончивший университет всего полтора года назад, не сумел еще заслужить доверие жителей Букима из-за своего возраста (ему еще не исполнилось тридцати, а по виду можно было дать двадцать — редкая бороденка, мальчишеская физиономия, смахивающая на лицо куклы), а также из-за того, что он не был женат.

Узнав о первых роковых случаях оспы в городе, доктор ударился в панику: ведь он поверил в то, что с эпидемиями покончено, а о лечении оспы и борьбе с нею вспоминал лишь смутно лекции профессоров факультета, очень смутно. Зато он чувствовал священный трепет перед болезнями вообще и перед оспой в частности, страшной болезнью, даже когда она не умерщвляет, а обезображивает. Он вообразил себе свое лицо, изрытое оспой, это смуглое, округлое и изящное лицо куклы, существенный фактор его успеха у женщин. Никогда больше ни одна из них не оказала бы ему внимания.

Совсем недавно Тереза Батиста выступала на эстраде в кабаре, а сейчас она за

[1] *Макумбейро — жрец негритянского религиозного обряда макумбы.*

О СЕСТРАХ МОИХ В ЛАТИНСКОЙ

Вот цифры. Ежегодно из тысячи детей, рождающихся в Латинской Америке, умирают от голода 200. Совсем недавно Панамериканская санитарная служба сообщила: из каждых 100 человек, умирающих в Латинской Америке, 45 — дети, не достигшие пятилетнего возраста.

Подумайте: как живут, продолжают жить в Латинской Америке женщины, матери этих детей?

Латинская Америка — континент, где присутствие империалистических монополий создает жесточайшие и несправедливейшие условия жизни в большинстве его стран.

Мне думается, наиболее четко продемонстрировала проблемы, стоящие перед латиноамериканскими женщинами, всемирная конференция ООН в рамках Международного года женщины, которая проходила в июне в Мехико — на латиноамериканской земле.

Так, например, делегатки Венесуэлы говорили о том, что первая задача женского движения Венесуэлы — добиться возвращения стране ее природных богатств, ибо от этого зависит благосостояние их детей.

Женщины Панамы высказали свою решимость оказывать всестороннюю поддержку мероприятиям правительства, направленным на защиту суверенных прав Панамы на зону канала.

Вам, видимо, кажется, что эти слова звучат несколько суховато, но вдумайтесь в них: как жить женщине на земле, где она лишена самой большой и самой простой радости — видеть своих детей здоровыми и счастливыми? Как жить, если вся твоя жизнь складывается из нищеты, неграмотности, страха, элементарного голода, наконец. Подумайте, как трудно оставаться при такой жизни женщиной. Запасы терпения и доброты — разве они бесконечны?

Я — чилийка. Мне удалось эмигрировать в Советский Союз с моими двумя дочерьми и внуками. Но мои подруги остались *там*. Я не сплю ночами, я думаю об их детях.

Я думаю о детях Ортенсии Бусси де Альенде, о ее достойном и мужественном вдовстве. В Мехико она говорила о том, что фашисты в Чили посягают не только на жизнь и права чилийских женщин, они — угроза всему человечеству, всему человеческому. Она говорила о безотлагательной необходимости всех

несколько дней прошла с доктором Эвалдо Маскареньясом и санитаром Макси дас Неграс полный курс обучения на медсестру, так как у нее были способности к учебе.

Она не только научилась обмывать оспенных больных, смачивая волдыри раствором марганцовки и камфарным спиртом, делать прививки, но и научилась убеждать наиболее упрямых, боящихся заразиться во время прививки. Действительно, когда прививка производилась предрасположенным к этой болезни людям, могло случиться, и не раз случалось, что вакцинация вызывала резкую реакцию, жар и кожную сыпь, волдыри, неопасную вспышку болезни, скромную ветряную оспу. Макси, проявляя нетерпение, стремился проводить прививки силой, вызывая конфликты, затрудняя выполнение задачи. Терпеливая и улыбающаяся Тереза объясняла, показывая следы прививки на своей смуглой руке, делая себе прививку снова, чтобы показать отсутствие какой-либо опасности. Все шло очень хорошо, люди собирались у пункта в ожидании прививки, когда запас вакцины вдруг кончился. Пришлось послать телеграмму в Аракажу с просьбой о срочной высылке вакцины.

Доктор Эвалдо, озабоченный все большим распространением заразы, получил в одном магазине дар в виде нескольких матрацев для лазарета, в котором должны были быть изолированы те больные, у которых не было условий для лечения на дому, те, кто представлял особенно большую опасность в распространении вируса. Однако, прежде чем получить матрацы, нужно было вычистить и вымыть как следует лазарет. Макси дас Неграс поглядывал с изумлением (и уважением) на Терезу Батисту, красивую девушку, которая без принуждения, без какого-либо обязательства принялась, подняв юбку и босиком, мыть цементный пол лазарета.

Эта девушка, не получая зарплаты, неизвестно почему, расхаживала из дома в дом, неутомимо и бесстрашно обмывая больных, смазывая волдыри раствором марганцовки, прокалывая их шипами апельсинового дерева, когда они вырастали в пустулы винного цвета, принося из скотных дворов коровий навоз, чтобы сжигать его внутри жилищ.

Эта маленькая женщина внушала Макси воодушевление и мужество. Если он не последовал примеру медсестры, сбежавшей из города, то этим он был обязан Терезе. Он стыдился покинуть службу, он, человек здоровый и получающий зарплату за то, чтобы выполнять эту работу, в то время как она без всякого вознаграждения, слабое создание, держалась твердо, без единой жалобы и отдавала распоряжения не только в домах заболевших, но также и ему, Макси дас Неграс, перепуганному докторишке Ото, старому доктору Эвалдо; командовала всеми. Где было видано что-либо подобное?

Когда вакцина наконец прибыла, Макси дас Неграс сказал:

— Жалко, что нет еще нескольких таких, как вы, дона. Если были бы еще три-четыре, мы бы постарались справиться с проклятой.

Тереза Батиста подняла лицо, на котором признаки усталости виднелись в уголках глаз и губ, улыбнулась мулату — неотесанный и грубый, но неунывающий, — и медный блеск, вспышка погасила в глазах утомление:

— Я знаю, где их найти, положитесь на меня...

Народ Букимы видел в эти дни черной оспы удивительные вещи. Видел, как директор пункта здравоохранения, молодой доктор с факультета, удирает так поспешно, что даже сел не на тот поезд, поехав в Аракажу через Баию. Бегство дезертира, описанное в подробностях фармацевтом на пороге аптеки, вызвало смех среди плача об усопших.

«Куда вы несетесь с такой поспешностью, доктор?»

— «Еду в Аракажу за вакциной». — «Но этот поезд туда не идет, он пришел из Аракажу, отправляется в Баию». — «Мне ꞏодится любой поезд, по любому направлению, время не терпит». — «Но вакцина, доктор, я ее привез, вот она у меня в руках, запас, достаточный для того, чтобы сделать прививки от края и до края штата Сержипе, и еще останется. Так что оставайтесь на здоровье!»

Народ Букимы видел удивительные вещи в эти дни черной оспы. Видел девушек Мурикапебы, странный маленький отряд под командованием Терезы Батисты, расхаживавший по городу и сельской местности, чтобы делать прививки. Женщины собирали сухой навоз на скотных дворах, мыли больных марганцовкой, прокалывали пустулы, копали могилы, хоронили людей.

Народ Букимы видел удивительные вещи в эти дни черной оспы. Видел оспенных больных, бредущих по дорогам и улицам, изгнанных из поместий, ищущих лазарет, умирающих на дорогах. Видел убегающих людей, покидающих дома из страха заражения, бредущих куда глаза глядят, без определенной цели, — поселок Мурикапеба почти совсем опустел.

Народ видел, наконец, Терезу Батисту, поднимающую на дороге оспенного больного и с помощью двух женщин засовывающую его в мешок, чтобы на своих плечах отнести его в лазарет.

Женщины под руководством Терезы сделали прививки большинству жителей города и части населения в сельской местности. Они знали все места, где жили и работали люди, и поэтому могли с относительной легкостью убеждать упрямцев и тупиц. На плантации Тереза смело схватилась с помещиком Симоном Ламего, в имение которого вход персонала для прививки был запрещен: вслед за вакциной приходит оспа, утверждал он.

Тереза пренебрегла запретом. После сильной перепалки и ссоры дело кончилось тем, что владелец плантации позволил привить оспу даже себе.

Делать прививки было сравнительно несложно: затруднение здесь, затруднение там, угрозы побоев, местами наглость, немногие инциденты: настоящих ссор с рукоприкладством три-четыре, не больше. Гораздо труднее было ухаживать за больными на дому и в лазарете, аптекарь выполнял иной раз обязанности врача, женщины делали все остальное. Ни одна из них не умерла, все остались живы, чтобы потом рассказывать эту историю.

Прежде чем закончить, я повторяю, и вы хотите верьте, хотите — нет: покончили с черной оспой, бродившей по улицам Букимы, девушки из Мурикапебы с Терезой во главе. Тереза Батиста разжевала оспу и выплюнула ее в лесу; оспа улетела в поезд, в поспешном бегстве к реке Сан-Франсиско, одному из излюбленных мест пребывания, тогда как народ вернулся в опустевшие дома. В какой-нибудь скрытой пещере оспа ожидает нового случая. Ах, если вы не проявите благоразумия, она в один прекрасный день вернется, чтобы покончить с остальными, и плохо тогда будет народу! Где найти для командования сражением другую Терезу?

**Перевел с португальского
Юрий КАЛУГИН**

АМЕРИКЕ

***Лигейя БАЛЛАДАРЕС**, чилийская журналистка, — для «Ровесника»*

женщин мира потребовать от хунты уважения прав человека, элементарных свобод. И та солидарность, с которой было встречено обращение Ортенсии Бусси де Альенде женщинами всего мира, показала, что режимы типа пиночетовского не могут просуществовать долго ни в Латинской Америке, ни в любом другом месте мира.

Выступали на конференции и представительницы новой, возрождающейся Латинской Америки.

Председатель перуанской делегации Кармела Овиедо де Сармиенто рассказала о тех прогрессивных преобразованиях, которые внес в жизнь перуанских женщин революционный процесс в стране.

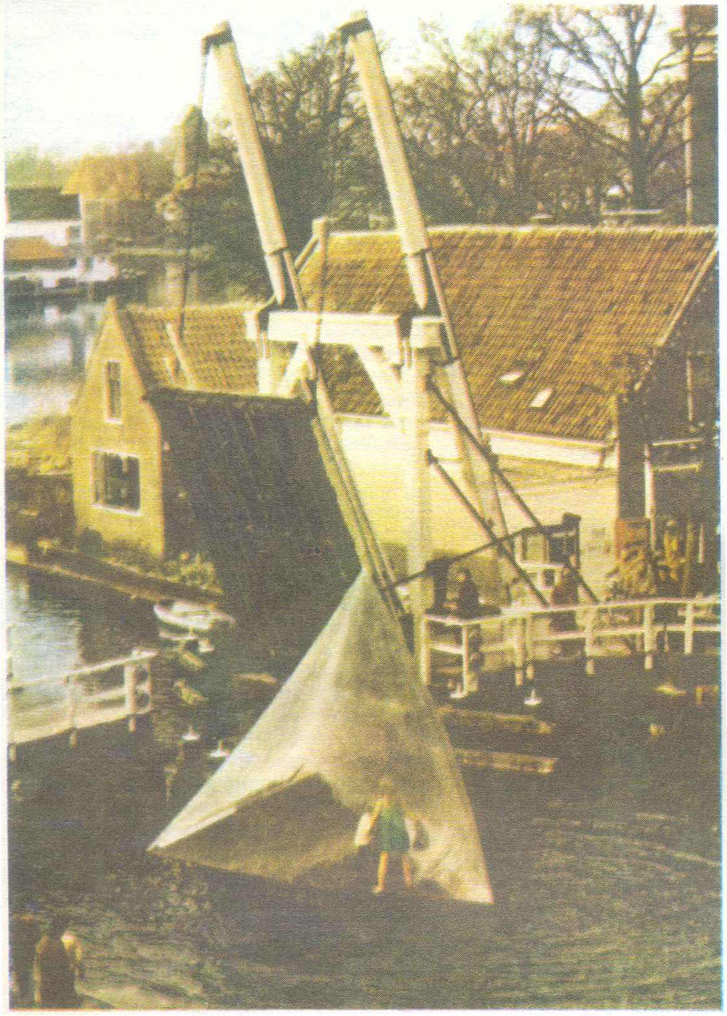
С законной гордостью рассказывала Вильма Эстин, представительница Кубы, как они, кубинские женщины, участвуют сегодня в строительстве социализма — в процессе, требующем огромной отдачи сил, но дающем блистательные возможности кубинским женщинам.

Я думаю, что недалек тот день, когда все латиноамериканские женщины (а я верю и надеюсь — среди них будут и чилийки) смогут свободно и открыто приехать на мировой форум прогрессивных сил и с такой же радостью и уверенностью, как и кубинки, смогут рассказать о жизни в своих странах.

Мои подруги, женщины Латинской Америки, знают главное: пока их страны не добьются освобождения, не будет для них ни эмансипации, ни какого-либо равенства прав, ни главного — счастья для их детей. Латиноамериканки борются. Различны средства этой борьбы, различны ее направления, но цель одна — свобода.

Вы прочли отрывок из романа бразильского писателя Жоржи Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать» (полностью он будет опубликован в журнале «Иностранная литература» в конце этого года). Сам Жоржи Амаду так охарактеризовал свою героиню: «Уже давно я думал о такой фигуре, и не в одном моем романе появлялся образ женщины, борющейся, полной желания жить. История Терезы Батисты — это ода бразильской женщине из народа, которая переживает многие тяготы и беды, но во всех ситуациях, какими бы трагичными они ни были, сохраняет свое достоинство, энергию и любовь к жизни».

Перевел с испанского Б. СИМОРРА

ПО ВОДЕ ПЕШКОМ

«В субботу, 30 августа с. г., состоятся ежегодные соревнования по хождению по воде. Предварительные заявки на участие принимает м-р Чеймз» — такое объявление появилось недавно в вечерней газете провинциального английского города Вустера. Нет, это не реклама очередного посетившего город «святого» и не шутка местных газетчиков. Подобные соревнования действительно проводятся в Англии. Способ передвижения пешком по воде был изобретен неким Джеффри Шоу. Заключается он в том, что человек (один или с приятелями) забирается в пластиковый контейнер — конечно, не в обыкновенную торговую упаковку, здесь нужен специальный, прочный пластик. Затем контейнер герметически закупоривается: запаса воздуха в нем хватает на шесть часов. А уж как двигаться — следует выбирать самим. Можно просто шагать, можно ползти на четвереньках или еще как. Это дело вкуса. Развлечение это опасное, поэтому состязания всегда проходят в присутствии взрослых.

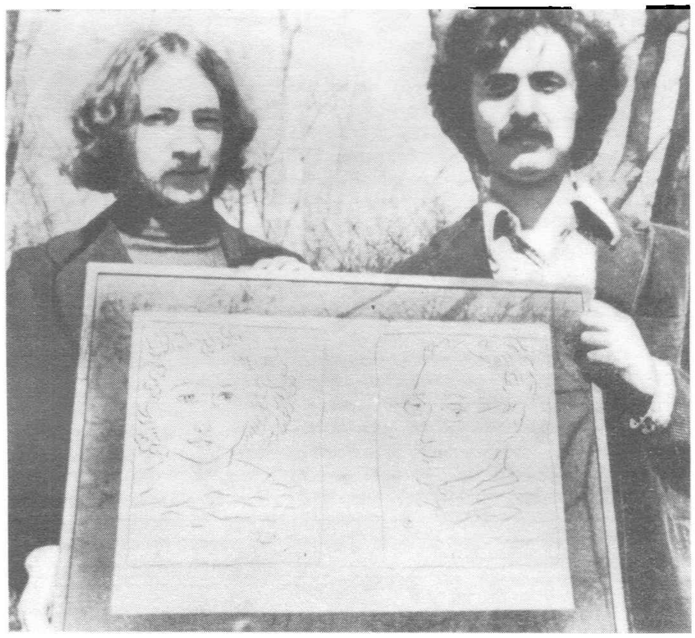

„НАШИ РОДИТЕЛИ НЕВИНОВНЫ!“

Двое молодых мужчин держат в руках портреты своих родителей работы Пикассо. Они стоят возле здания Верховного суда Соединенных Штатов в Вашингтоне, требуя отмены несправедливого приговора, вынесенного их отцу и матери двадцать два года назад.

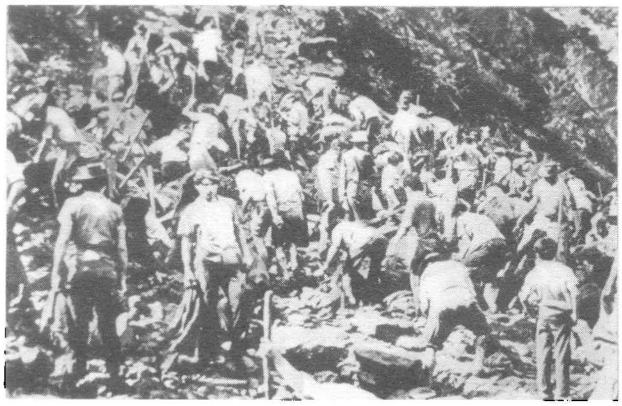
Майкл и Роберт — дети Юлиуса и Этель Розенберг, которые были арестованы ФБР в 1950 году и стали жертвами позорного судилища. В Соединенных Штатах в это время неистовствовал ультраправый сенатор Маккарти. По его инициативе была начата форменная охота за коммунистами, прогрессивными деятелями Америки, просто за честными людьми, не желавшими участвовать в этой травле. Супругов Розенберг заключили в тюрьму по обвинению в «подрывной деятельности и шпионаже». Никаких веских улик суду не было предъявлено. Несмотря на это, Юлиус и Этель были приговорены к смертной казни на электрическом стуле.

Три года, с 1950 по 1953, во всем мире лучшие представители общественности выступали за освобождение Розенбергов. Но давление реакционных сил в Соединенных Штатах возымело верх, и супруги были казнены. Малолетних детей усыновила другая семья, они носили другую фамилию. Только много лет спустя они узнали о трагедии своих настоящих родителей. Сейчас Майклу 32 года, а Роберту 28; у них уже у самих есть семьи. В настоящее время они требуют отмены сфабрикованного обвинения и реабилитации честного имени своих родителей.

НЕВИДАННОЕ ЖИВОТНОЕ. Испокон веков бытуют в фольклоре разных стран сказки о недорослях, уверенных в том, что булки растут в поле, а башмаки на деревьях. Похоже, популярностью эти истории будут пользоваться еще долго. Доказательством этому может служить опрос, проведенный недавно в школах Бостона (США), в результате которого выяснилось, что больше половины школьников считают, что молоко добывают искусственным путем на заводах, подобно пиву или кока-коле. Школьные власти посмеялись, загрустили, издали циркуляр, обязывающий администрации школ провести экскурсию в местный зоопарк, «дабы школьники могли своими глазами убедиться, что молоко добывается из коров». Тут настал черед хохотать служащим зоопарка — до сих пор корова, как известно, экзотическим животным не считалась, и в зоопарках ее не содержат.

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА СПИЦА? В мартовском номере «Ровесника» рассказывалось о карьере Марка Спица, обладателя семи олимпийских медалей по плаванию, которого бизнесмены превратили в живого манекена для рекламирования своих товаров. Что слышно о нем сейчас? Увы, акции недавнего кумира стремительно катятся вниз. Особенно среди «прекрасной половины» контингента потребителей, на которую в первую очередь была рассчитана улыбка рекламного красавца. По результатам недавнего опроса болельщиц об их «любимых спортсменах» Спиц оказался на... 183-м месте. Специалисты шоу-бизнеса называют началом конца Спица-суперзвезды его женитьбу. Во всяком случае, добавляют они, шансов в рекламном деле у него больше нет: его изображение больше мешает, чем помогает сбывать товар. Говорят, Спиц, когда-то учившийся на стоматолога, сейчас берет уроки актерского мастерства. Одна итальянская кинофирма согласилась испробовать его в боевике, где герою приходится много плавать. Это последняя ставка Спица.

АЖИОТАЖ В МУСО

Вроде бы обычная картина — туристы дружной толпой штурмуют гору. Но почему они с таким испугом оглядываются на фотографа? Этим людям есть чего бояться — дело в том, что под видом туристов в район Мусо, в 320 километрах от колумбийской столицы Боготы, приехали искатели сокровищ из обеих Америк. Здесь находится одно из самых богатых в мире месторождений изумрудов. Желание «найти свое счастье» — обогатиться за полчаса — заставляет людей идти на риск, и риск немалый. Район месторождения охраняется местной мафией, в руках которой сосредоточена вся нелегальная добыча изумрудов. Мафия пытается участвовать и в официальных государственных разработках, но главным образом охотится за удачливыми старателями. Только в 1974 году в районе Мусо было убито более 50 приезжих «туристов». В начале 1975 года колумбийское правительство прислало сюда подразделение регулярной армии. Но убийства продолжаются — мафия не хочет делить свои доходы ни с искателями сокровищ, ни с правительством.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

УРАГАН НА ПОДМОСТКАХ

Джун — 20 лет, Бонни — 24, Аните — 26 и Рут — 28. Вместе они составляют прославленный ныне квартет «Сестры Пойнтер». Музыкальные критики пишут о нем как об «удивительно слаженном коллективе» — даже учитывая, что это родные сестры. А лондонский еженедельник «Нью мьюзикл экспресс» присвоил сестрам Пойнтер титул «самой веселой группы 1974 года». Дружный коллектив сложился давно (впрочем, тогда они не помышляли об эстрадных подмостках). В детстве сестры Пойнтер пели в хоре местной церкви, где их отец был пастором. Однако вскоре прихожане стали жаловаться преподобному отцу Пойнтеру, что его дочери задорно приплясывают во время песнопений. Настроение передавалось присутствующим, и благочестивые мысли как-то улетучивались сами собой. Пришлось сестрам оставить храм. Но с пением они не расстались. Несколько лет Джун, Бонни, Анита и Рут работали на студии грампластинок, подпевая различным поп-группам. Наконец их бабушка, 80-летняя Рокси Пойнтер, воскликнула: «Вы же поете не хуже, чем они. А ну-ка марш на сцену!» И сестры отправились на сцену. Они составили свою собственную программу. Концерт включал вещи, написанные в стиле джаз-рок. Первые же выступления принесли сестрам успех. Зрители были покорены задорным исполнением и... отсутствием пауз между номерами. «Это какой-то ураган! — восклицали рецензенты. — Мы выходили после концерта куда более уставшие, чем певицы».

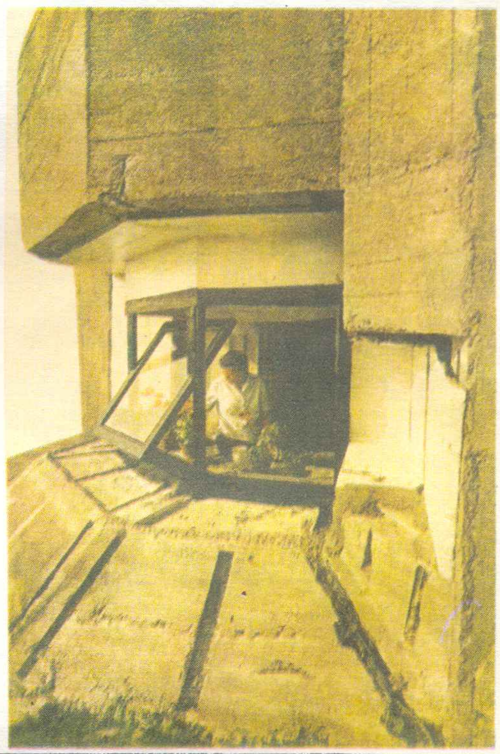

ЗДЕСЬ НУЖНА ЖЕНСКАЯ РУКА

Известно, что на ловца зверь бежит особенно охотно. Примером тому может служить список охотничьих трофеев австралийки Ким Макензи, насчитывающий больше тысячи акул. В 1962 году она была зачислена в штат береговой охраны и с тех пор занимается противоакульей защитой лучших пляжей на южном побережье Австралии. Получив сигнал, Ким прыгает в катер и мчится к указанному квадрату, где просто ловит акул на крючок. На вопрос, как ей удалось достичь такого мастерства, Ким Макензи отвечает, что аккуратность и терпение замечательно помогают в охоте на акул. «Здесь нужна женская рука», — говорит она.

МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ

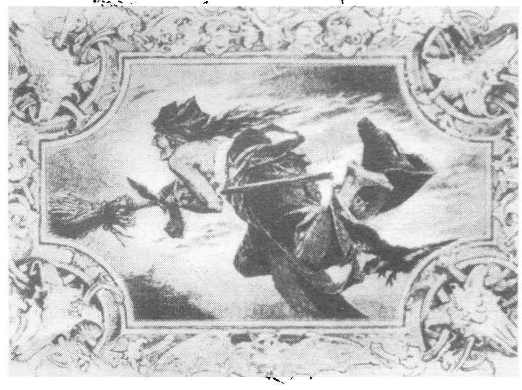
Проблема жилья, точнее сказать — проблема платы за жилье становилась все более неразрешимой для англичанина Юджина Флиппа. Терзаемый мрачными мыслями, он бродил по берегу Ла-Манша, рассеянно глядя в море. Как будто бы оттуда могло прийти избавление! Но оно в самом деле пришло. Взор Флиппа остановился на горизонте, где из воды вырисовывались неясные очертания какого-то сооружения. Взяв у приятеля лодку, он отправился осмотреть странную крепость поближе. Оказалось, что на одинокой скале во время войны был построен бетонный капонир для отражения немецких воздушных атак. Когда война закончилась, объект был заброшен и с тех пор медленно разрушался. Флипп решил «оккупировать» его со своей семьей. Сказано — сделано. Отремонтировав собственными силами капонир, он приспособил его под жилье без квартплаты. Власти попытались было возражать, но Юджин пригрозил, что в случае осложнений он провозгласит независимость от Англии и создаст на клочке суши новое государство.

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА

Рисунок из чернокнижия XVI столетия не оставляет сомнений: перед нами ведьма. Вот она летит на помеле по своим темным делам. Но то, что на фото рядом, взятом нами из британского еженедельника «Уикенд», тоже запечатлена ведьма, догадаться не просто. Правда, эта мило улыбающаяся дама держит в руках помело. Однако, кроме упомянутого атрибута, ее внешность не наводит на мысль о Бабе Яге. Между тем это именно так. Жительница Лондона мисс Уилкинсон занимается ремеслом ведьмы: по желанию клиентов отпускает приворотное зелье, насылает порчу, уберегает от дурного глаза, сообщается с сатаной и т. д. «С тех пор как в 1951 году был наконец отменен существовавший с 933 года закон против колдовства, — говорит она, — публика получила возможность вступать — через наше посредство — в контакт с дьяволом». Полноте, хочется воскликнуть, неужели это говорится на полном серьезе! Да, все абсолютно серьезно. Ну, разве что мисс Уилкинсон и ее коллеги предпочитают избегать слова «ведьма». У дверей приемной значится: «Черная магия».

СЮЗАННА, 16

Альфред ГОСИНИ, французский писатель

Лето у меня начинается зимой. Именно тогда, разбирая извещения домоправителя о повышении платы за отопление с одновременным уменьшением подаваемого в квартиру тепла и слушая, как мокрый снег надоедливо стучит в стекло, а телевизионные комментаторы так же нудно бубнят, что они не предвидят ничего хорошего, — именно тогда начинаешь думать о летнем отпуске. Хорошо летом. Летом можно не думать.

Впрочем, проблема отпуска в моей семье столь же неразрешима, как вопрос о местонахождении затонувшей Атлантиды.

Лично я вижу себя в мечтах в каком-нибудь диком уголке. Можно амазонские джунгли. Четыре недели не надо бриться. Выгляжу беглым каторжником. По вечерам — костер. Никто на тебя не смотрит. Звездное небо над головой. Хорошо и экономно.

Жене представляется шикарный отель. На ее новое платье все смотрят, желательно — перешептываются. Возле ступеней — лимузин. Ужин при свечах. Разорение.

Шестнадцатилетняя Сюзанна, моя дочь, участвовавшая на этот раз в обсуждении, заклеймила оба варианта как «типично буржуазные позывы к бегству от реальности».

— Отдых должен быть конструктивным. Именно летом представляется возможность познать скрытые пружины!

С тех пор как в прошлом году у них в лицее образовалась «ударная группа действия», предложившая для начала вести уроки математики под музыку поп-ансамблей, а учителей называть по имени и на «ты» («создание атмосферы равноправия»), в Сюзанне проснулась жажда деятельности.

— Держу пари, ты собираешься в отпуске купаться! — воскликнула негодующе она.

— В общем... если честно сказать... если уж совсем откровенно, — растерянно забормотал я.

— Да, да, именно честно, без мелкобуржуазного лицемерия!

— Я действительно... хотел бы поплавать... немного.

«ИГНАЦИ, ЭТО Я»

Стефания ГРОДЗЕНЬСКА, польская писательница

Игнаци живет у меня в ванне. Ибо он карп. Обстоятельства, соединившие наши судьбы, были просты, какими чаще всего и бывают обстоятельства, которые соединяют чьи-либо судьбы. В литературе достаточно тому примеров: знакомство во время визита — Ромео и Джульетта, совместный отдых на берегу моря — Тристан и Изольда, совместная работа — Вальчек и Петрашевская из романа «Завод и производственный план»... И это примеры из одной лишь классики!

С Игнаци дело обстояло несколько иначе только потому, что он, как я уже упоминала, — карп. Но если рассматривать его именно как карпа, обстоятельства были достаточно типичными. Я купила Игнаци в канун праздников, с целью убиения, а затем съедения в неживом виде. Поскольку, однако, наш дворник поехал к сыну, который проживает в Козьоле, ситуация усложнилась: в нашем доме никто, кроме него, не захотел убить Игнаци. Поэтому я купила на праздник первые попавшиеся рыбные полуфабрикаты, а Игнаци поселила в ванне. Это было девять лет назад.

Мне всегда хотелось иметь какое-нибудь живое существо. Держать собаку я не могла, так как у меня нет для этого подходящих условий. Но трех мышей в кухне я все-таки приручила. Если бы не кот, маленький и продрогший, которого я приютила у себя! Он оказался негодяем и съел этих мышей! Разлюбив кота, я отдала его дворнику, а он взял его с собой в Козьол и подарил сыну, который мечтал истребить у себя мышей. В Козьоле, однако, кот жрал сало, а к мышам не прикасался, за что и был изгнан. Он погиб бесславно, хотя поистине современной смертью: отчасти за то, что жрал мышей, отчасти же за то, что их не жрал.

Таким образом, когда само провидение спасло Игнаци, я решила вообще не убивать его. Впрочем, весьма скоро я привязалась к нему. И вот тут-то началась подлинная драма.

Игнаци не обращал на меня ни малейшего внимания. Не реагировал на

— А после загорать на солнышке?!

— Но... надо же обсохнуть в конце концов...

— И это в то самое время, когда вокруг! — Сюзанна взмахнула рукой, как бы сдирая со стен обои — кстати, очень миленькие обои, приобретенные только в прошлом году. Неброские, в клеточку.

В прошлом году... Счастливые времена! Сюзанне было пятнадцать. В отпуск мы поехали в Биарриц. Я весь год следил за газетами — в Бискайском заливе не разбился ни один нефтеналивной танкер. Все вышло замечательно. В море плавали обычная гадость и мусор, без этой противной жирной пленки. Отпуск развивался в добром компромиссном варианте: днем я ходил как беглый каторжник, а вечером жена надевала новое платье. Жили в дешевом пансионе, но зато рядом с шикарным отелем. Экономии, правда, не получилось, но и не вылетели в трубу.

Сюзанна еще не была в «ударной группе действия» и не постигла высот демагогии. Она вообще молчала. В то лето все ее сверстники молчали. За них говорили майки.

В мастерских на любом углу в Биаррице на материю можно было нанести нужные слова. Дочь ограничилась поначалу указанием: «Сюзанна, 15». Вокруг бродили «Жак, 16», «Катрин, 18» и даже «Рене, 54. 12-65-33». Последние три цифры — телефон. Но, видимо, молодящемуся Рене слишком часто приходилось выслушивать в трубку нелестные замечания, потому что вскоре он сменил телефонную майку на мягкий пуловер с невеселым напоминанием: «Все там будем».

Оказалось, что химии много не только в море, но и в мастерских. По желанию клиента майку опускали в раствор, надпись обесцвечивалась, и на ее месте можно было наносить новую. Замечательная штука — прогресс!

Вокруг меня бушевали безмолвные диалоги. Люди встречались с уже готовыми вопросами и ответами: «Когда?», «Может быть», «У вас красивые глаза», «А вам-то что?», «Нет, не из Парижа», «С родителями», «Без родителей», «Я выше этого». Были и пространные речи: «Если я вам не нравлюсь, так и скажите». Были и обиды: «Дурак!» И возражения: «От такого слышу!» Все было.

— Социологи предрекали конец письменной цивилизации, — говорил мне сосед по пляжу, тоже похожий на беглого каторжника (оказался физик-атомник), — а между тем, смотрите, мы возвращаемся к эпохе эпистолярных романов. Правда, изъясняются не на бумаге, а на майках, но это несущественно. Главное, сохраняются коммуникативные функции. Развивается лаконизм.

Увы, лаконизм сгинул с конца летнего сезона. Начиная с осени Сюзанна обрушивала на меня потоки, целые Ниагары придаточных предложений, требуя, чтобы я провел следующий отпуск «конструктивным образом». В ее представлении это означало: расшатывание системы, отказ от морального давления, блокирование верхов, выявление скрытых пружин. Я отвечал — без особого успеха надо признать, — что система моя уже и так расшатана, давление упало после визита к налоговому инспектору, верхи заблокировались сами — посмотри, какую стену возвел вокруг своего имения мсье X. Вот скрытые пружины — это действительно стоящее дело. Когда они торчат, садящийся на них испытывает массу неудобств.

— Мы говорим на разных языках, — сурово констатировала Сюзанна. — Вашему поколению давно уже пора убраться с исторической сцены и уступить место тем, кто лучше понимает суть происходящего.

— То есть вам?

— Да, нам! Пора перестать упорствовать. Если вы не поддаетесь перевоспитанию — уходите!

Я понял намек:

— Хорошо, мы можем убраться — ну, скажем, в тот же Биарриц. А ты оставайся в городе и сколько угодно блокируй, вскрывай, отказывайся. Сцена в твоем распоряжении. Только не жги слишком много электричества — компания опять повысила тариф.

— И пожалуйста! Только не думайте, что я убоялась ваших угроз. Репрессивный характер современной семьи мне прекрасно известен! Я могу остаться одна на целый месяц! Все ребята, правда, смотались. Ну и пусть! Как представлю, что ты собираешься бездумно истребить четыре недели, загрязняя и так уже совершенно обезображенную окружающую среду! Вот именно. Где леса, где звери, где птицы?! А мама только и думает, как надеть свое платье с прострочкой!

— Ничего подобного, — хладнокровно вступила в разговор жена. — Я купила нам с тобой блузки с крупными цветами — ну, помнишь, те, что были в витрине «Самаритен»?

— Где?! — воскликнула Сюзанна. — Покажи скорее!!

...Милая жена. Вот кто настоящий друг. В трудную минуту она всегда придет на помощь, и оружие ее действует безотказно. Оно разит наповал.

Перевел с французского Б. ТИШИНСКИЙ

мое появление. Я для него не существовала.

Я знала, что ничего не добьюсь насилием, и потому решила быть терпеливой. Говорят, карпы живут свыше ста лет, так что у меня много времени. Правда, я не знаю, сколько лет Игнаци, но выглядит он молодо.

— Игнаци, — говорю я ему, опускаясь на корточки возле ванны. — Игнаци, это я.

Ничего другого я не говорю, потому что в этих словах заключено все.

— Игнаци, это я, Игнаци...

Я склоняюсь над ванной, чтобы он увидел меня одним из своих двух глаз.

Он меня видит. Я всегда убеждаюсь в этом, всякий раз заново страдая: стоит мне протянуть к нему руку, как он с отвращением удирает. Вот уже девять лет я протягиваю к нему руки — самым мягким, самым нежным движением, — надеясь, что однажды он приблизится ко мне и доверчиво коснется мокрыми губами моих пальцев.

— Игнаци, это я...

А он все плавает и плавает в ванне, и я знаю, что ни один, даже самый безумный, даже просто отчаянный мой поступок не тронет его. Он равнодушен, как предмет. Более того. Он равнодушен, как мужчина, который ушел.

Но ведь прошло всего девять лет! Может, он еще изменится?

Когда за стеной кто-то все время разучивает на пианино одну и ту же сонату Моцарта и постоянно фальшивит в одном и том же месте, а за окном хлюпают комья отвратительного мокрого варшавского снега, я мечтаю. В мечтах-то уж я полная хозяйка!

И я вижу, как однажды я опускаюсь возле ванны на корточки и шепчу:

— Игнаци, это я...

А Игнаци высовывает из воды голову и говорит... Ну, сказать-то он, конечно, ничего не скажет, это уж я хватанула. Но... может быть, он залает. Или засвистит. Да! Скорее всего он засвистит. А когда я уеду в отпуск, он станет грустным-грустным...

— Ты даже не представляешь, как он по тебе тосковал, — скажут мне домочадцы, когда я вернусь. — Уж лучше бы ты забрала его с собой в тазике на этот курорт. Он же здесь не ел и не пил без тебя...

Но все это мечты. А в действительности мне хватило бы и взгляда, если бы он кинул его мне навстречу, сверкнув при этом, например, белками. За столько-то лет преданности и нежности всего лишь один-единственный взгляд, и этого достаточно? — спросите вы. Да, мои милые! Неужели вы не понимаете?

Вам-то легко говорить: карп — рыба, он никогда этого не сделает... Знаю, знаю, не глупее вас. Но я хочу этого — хочу, наверняка зная, что это невозможно! Вы, что же, считаете, что, если какая-нибудь девушка, рыдая, просит: «Брось эту лахудру, вернись ко мне!», — у нее больше шансов на успех?!

Да, а сами-то вы разве поступаете иначе? Для чего существуют культурные впечатления, чему служит вызванное ими волнение? Разве, оплакивая Вокульского в «Кукле», вы надеетесь тронуть сердце Изабеллы? Нет. Ну вот, видите!

Вы тоже плачете бескорыстно и бессильно.

Перевела с польского З. ШАТАЛОВА

Рис. В. Чижикова

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление А. В. Громова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/VII 1975 г. Подп. к печ. 26/VIII 1975 г. А08208. Формат $60 \times 90^{1}/_{8}$. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1249.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Она молода, она красива, она известная певица — сказать так об Элисе Серне, значит не сказать ничего. Она поет песни протеста, и поет их в Испании, а мы знаем: непокорность в Испании обходится дорого. Петь для Элисы Серны — это подвергаться полицейским преследованиям, это выдержать год тюрьмы и не сдаться, потому что Элиса сознает не только опасность своего дела — песни, но и необходимость его для тех, кто борется. Один из критиков назвал ее песни «вспышками молнии в наэлектризованной социальной атмосфере Испании». И власти боятся ее песен, ибо уже одним своим появлением на сцене Элиса говорит: смотрите, если вы не сломили меня, маленькую женщину, то почему же вы думаете, что справитесь со всеми нами? Почему вы думаете, что сможете заставить замолчать всю молодую Испанию?

О том, сколь велика миссия певца в борьбе за счастье людей, о том, как несчастен певец, потерявший связь со своим народом, эта песня из «подрывного» репертуара Элисы Серны. Она написала ее вместе с композитором Пабло Милансом.

Аранжировка А. Щукиной, русский текст Л. Воропаевой.

●

1. Тот певец несчастен, кто для народа
Не может сложить песню
Из слова Свобода.
Тот певец несчастен, кто не рискует,
А только о любимой под струны тоскует.
2. Тот певец несчастен, кто об успехе
Печется и песни поет для потехи.
Тот певец несчастен, кто не заметит
Мгновенья, за которое он будет в ответе.
3. Тот певец несчастен, кто праздно бродит
И отклика на песни
Свои не находит.
Тот певец несчастен, кто не взывает
К борьбе против засилья богатых хозяев.
4. Тот певец несчастен, кто не уверен
В победе своей правды и песне неверен.
Тот певец несчастен, кто забывает
О том, что на планете добра не хватает.
5. Повторить первый куплет.

●

1. Pobre del cantor de nuestros dias
Que no arriesgue la cuerda,
Por no arriesgar la vida.
Pobre del cantor que nunca sepa
Que somos la semilla y manana será vida.

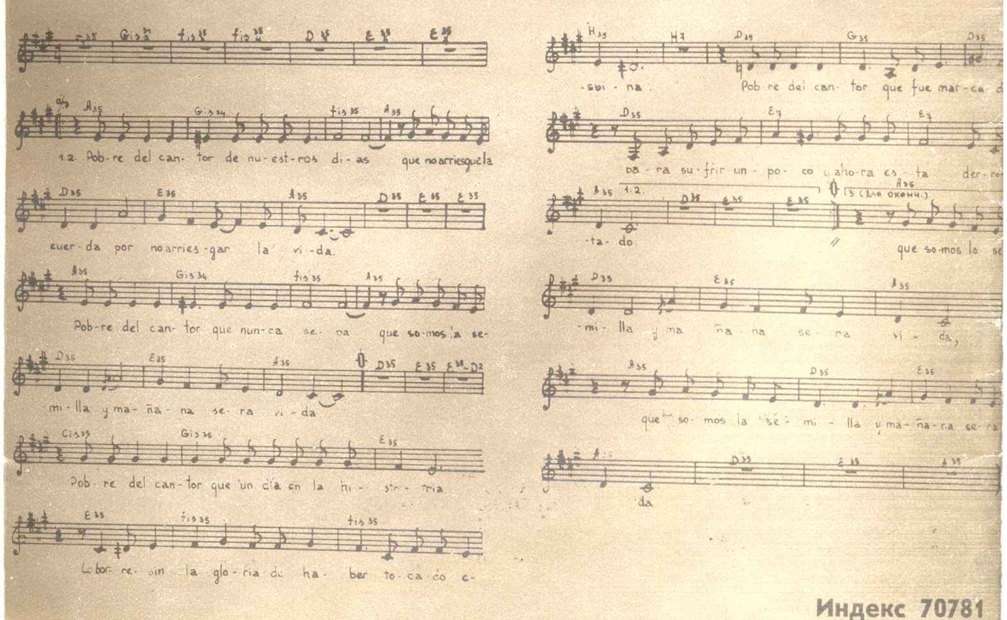
2. Pobre dél cantor que un dia en
la historia,
Lo borre sin la gloria de haber tocabo
espina.
Pobre del cantor que fué marcado
Para sufrir un poco y ahora estra
derrotado.

3. Pobre del cantor de nuestros dias
Que no arriesgue la cuerda,
Por no arriesgar la vida.
Pobre del cantor que no se alce
Y siga hacia delante con más canto y más
vida.

4. Pobre del cantor que no haya el modo
De tener bien seguro su proceder con todos.
Pobre del cantor que no se imponga
Con su canción de gloria entre el barro y
el lodo.

5. Повторить первый куплет.

Индекс 70781
Цена 20 коп.